

გ. გამრეკელი

ღვლები და ღვლეთი

ახ. წ. I—XV სს.

Б 61-41
41

В. Н. Гамрекели

Двалы и Двалетия
в I—XV вв. н. э.

057842

961 17
236

В монографии младшего научного сотрудника Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа В. Н. Гамрекли «Двалы и Двалети в I—XV вв н. э.» рассматриваются вопросы локализации, этнической принадлежности, языка и исторических судеб двалов — одного из племен, населявшего до XV в. высокогорную часть центрального Кавказа.

В труде подвергнут критике ряд ранее высказанных взглядов. Поставленные вопросы рассматриваются в тесной связи с историей Грузии.

39615

358426

1. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Территория центральной части Кавказского хребта с востока на запад между Дарьяльским ущельем и Мамисонским перевалом, с примыкающими к ним с севера ущельями Нарской котловины и с юга ущельями истоков р. Б. Лиахви в прошлом, в средние века, именовалась по-грузински Двалети и Магран-Двалети, а население, занимавшее эту территорию — двалы. В осетинской речи и по настоящее время именуются Нарская котловина Туалта, а истоки ущелья Б. Лиахви Урс-Туалта, а их жители — туаллаг (Двал и Туал представляют собой две фонетические разновидности одного слова, одного понятия).

Эта территория входила в состав Грузии, согласно грузинской исторической традиции, со времен возникновения грузинского государства, а за последние несколько веков на этой территории засвидетельствовано осетинское население.

Расположение в центре Кавказа и связанность исторических судеб с грузинским и осетинским народами, привлекли внимание ученых к племени двалов уже давно. В трудах исследователей — кавказоведов, изданных на протяжении XVIII—XX вв. (Гюльденштедт, Клапрот, Пфафф, Миллер, Ковалевский, Кипшидзе, Томашек, Ахвледиани, Кекелидзе, Меликсетбег, Абаев, Ванеев, Гвритишвили, Скитский и др.), имя племени двалов упоминается неоднократно.

Однако, ни одним из этих исследователей вопрос об этнической племенной принадлежности двалов или вопрос их исторических судеб не подвергался специальному рассмотрению.

Тем не менее в среде ученых высказан ряд утверждений, соображений и предположений выявляющих наличие различных взглядов по вопросу о племенной этнической принадлежности двалов.

Высказываясь об этнической-племенной принадлежности двалов, ученые первым делом определяли их этническую природу по языковому признаку. Установление языкового родства является важнейшим моментом для решения вопроса этнической — племенной принадлежности, т. к. общность языка, как первейшего средства социального общения, является важнейшим племеформирующим условием и фактором. Потому-то язык наиболее верно указывает и на племенную принадлеж-

ность данной этнической общности, т. е. с какой группой племен генетически связано данное племя, и точнее, с какой группой племен связан генетически тот этнический элемент, который сыграл формирующую, конструктивную роль в образовании данного исследуемого племени.

До последнего времени в научной среде было широко распространено мнение признающее двалов ираноязычным племенем, одним из осетинских племен или даже отождествляющее их с осетинами-иранцами.

Возникновение и утверждение такого взгляда на двалов можно проследить с начала XIX в., от Клапрота через Пфаффа, Миллера, ряда языковедов и других ученых к Скитскому.

Клапрот пишет: «Большая часть осетин в Грузии принадлежит к племени двали или двалети». «...Согласно часто приводимой географии Грузии, грузины делят народ осетин на два больших племени, которые однако по языку и нравам мало отличаются друг от друга, а именно на собственно осетин и на двалетов или двали».

Не вдаваясь в анализ каждой фразы в отдельности, очевидно, что Клапрот в приведенных случаях отождествляет двалов с осетинами.

Не может не обратить на себя внимание внутренняя нелогичность свидетельства Клапрота. Достоверно известно, что осетинский язык состоит из двух диалектов иронского и дигорского, что, соответственно, осетин называет себя ироном или дигорцем, что осетинское население было организовано по обществам — удельям: Тагаурцы, Куртаульцы — Куртаинцы, Баллагирцы, Туальцы, Дигорцы. При таком действительном положении и признании Клапротом, что собственно осетины и двалы — осетины «по языку и нравам мало отличаются друг от друга» совершенно непонятным и нелогичным представляется его же утверждение, что «грузины делят народ осетин на два больших племени... на собственно осетин и на двалов».

На чем же основано такое деление? Почему же делят грузины таким образом осетинский народ? Если нет существенного различия между осетинами и двалами, то почему же деление?

Очерки истории осетинского народа с др. времен до 1867 г.

Дзауджикау (Орджоникидзе) 1947 г.
Die mehrsten Osseten in Georgien gehören zu dem Hauptstamme Dwali oder Dwaleti — Reise in den Kaukasus und nach Georgien. II rom Berlin, 1814 г. стр. 143.

„Nach der öfters angeführten Geographie von Georgien teilen die Georgier das Volk der Osseten in zwei große Stämme die aber der Sprache und den Sitten nach wenig von einander unterschieden sind, nämlich in eigentliche Osseten und in Dwaleti oder Dwali“ — см. там же — „Anhang“, стр. 177; а также стр. 383.

и главрежущего различия между двалами и собственно осетинами. На эти вопросы ответов у Клапрота нет. Ясно, что Клапрот что-то недопонимал и потому что-то недосказал.

Во вторых, неправомерно приписано «Географии Грузии», т. е. географическому труду Вахушти, деление «осетин на два больших племени» на собственно осетин и двалов.

У Вахушти, как это явствует из предлагаемого ниже анализа его географического описания, нет подобного племенного деления осетинского народа, хотя он и различает двалов и осетин друг от друга, но вовсе не в смысле двух племен одной народности, как это пишет Клапрот. Вахушти различает двалов и осетин друг от друга совершенно в ином смысле, что делает такое этнонимическое размежевание естественным и логичным. Об этом речь подробнее будет дальше.

Таким образом свидетельства Клапрота являются плодом недоразумения, возникших вследствие недостаточного глубокого знакомства с историческими памятниками и действительностью Грузии.

Цитированные высказывания Клапрота явились источником и исходной точкой для ряда последующих кавказоведов в их суждениях о двалах. Тем самым Клапрот ввел в заблуждение всех положившихся на его слова.

Так Пфафф повторяет за ним. «По географии Вахушти двалеты были осетины».

Далее, такой выдающийся кавказовед как Вс. Ф. Миллер тоже пишет: «Осетины, на южном склоне хребта занимают область известную в грузинской географии под названием Двалети. Сев. Осетины называют их общим именем Туалта». В Двалах (упомянутых в Армянской географии VII в. — В. Г.) следует видеть жителей области Двалети, южных осетин, известных до сих пор северным их соплеменникам под именем Туалта». Следовательно, и Вс. Миллер отождествляет средневековых

⁴ Мы позволяем себе выразиться „заимствует“, „повторяет“ и вот почему: как ниже я пытаюсь показать, первоисточник — география Вахушти не дает основания для подобных утверждений.

Если все же ряд ученых продолжает это утверждать, при полном отсутствии ссылок на конкретный текст Вахушти, без цитирования отдельных мест из географии Вахушти, то мы это объясняем только тем, что названные исследователи не подвергнув вероятно проверке первоисточник, заимствуют друг у друга и повторяют друг за другом некритически положения, впервые встречаемые у Клапрота; при этом раздвигают рамки их значимости на все предыдущие века.

⁵ Сб. Свед. о Кавк. горцах, вып. IV, 1870, стр. 29.
Вс. Миллер, Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 6.

⁷ Цит. соч. стр. 108.

двалов с осетинами и локализует Двалетию по южным склонам Гл. хребта Кавказа. И в данном случае основанием служит ссыла на географию Вахушти и на факт употребления северными осетинами этнонима «Туаллаг» — Туалта для обозначения южных осетин.

Слова Пфаффа и Миллера без изменения, повторил⁸ Ванев: «Юго-Осетия (или Двалетия по старой грузинской географической номенклатуре)»⁹. «По Вахушти двалы—осетины»¹⁰, и дальше это отождествление распространяет на все средневековые, заключив после превратного толкования Вахушти и не заслуживающего научного доверия аргументации, что «двалы—осетины обитают на территории Ю. Осетии с древних времен»¹¹.

От вышеназванных исследователей, видимо, заимствует Скитский, когда он пишет: «Южная Осетия в старой географии Грузии называлась Двалетия. Это название происходит от древнего самоназвания населявших ее осетин—«Туал»¹².

Такие ученые как И. Кипшидзе, Г. Ахвледиани, К. Кекелидзе и некоторые другие причисляли двалов к осетинам, не обосновывая однако, это ничем и не входя в углубленное исследование вопроса; они это делали просто мимоходом, считая это положение само собой разумеющимся и не требующим доказательств.

Так И. Кипшидзе описывая грузинский литературный памятник XIV в. «Мученичество Николая Двала» признает его «интересным материалом по истории... одного из осетинских племен — двалов»¹³. Акад. Г. Ахвледиани¹⁴ готов признать древнедвальский язык «заметно отличающимся диалектом» осетинского языка и опирается в своих суждениях на утверждение Клапрота, что все южные осетины именовались двалами.

Акад. К. Кекелидзе¹⁵ в своих историко-литературных работах и изысканиях также попутно говорит о тождестве двалов и осетин.

⁸ См. сноску 4.

⁹ Известия ЮОНИИ, вып. III, 1936, стр. 270.

¹⁰ Там же, 272.

¹¹ Там же.

¹² Известия СОНИИ, т. XI, 1947, стр. 139.

¹³ Изв. Кавк. Ист. Археолог. Института, т. II, 1917—1925 гг., стр. 49.

¹⁴ ენციკლოპედია, ტ. X, 1941, გვ. 194 და 195.

¹⁵ См. его — «ძველი ქართ. ლიტერ. ისტორია» ტ. I, 1950, გვ. 515; также статью „საქართველო და ნიზამი განჯელი“ в газете „საზ. განათლება“ № 39 за 1947 г., в которой он пытается под „Дувалом“ упомянутым в поэме Низами признать Давида Сослани.

Можно назвать еще ряд ученых высказавшихся в таком же смысле, но мы воздерживаемся от этого, т. к. их суждения ничего существенно нового, отличного в себе не содержат.

Следует заострить внимание на одном моменте содержащемся в цитированных высказываниях ученых: Клапрот описывает положение сложившееся ко времени конца XVIII в.; причем эта фиксация представлена без оглядки на историю края, без сохранения исторической перспективы, без учета прошлого населения данных мест. Последующие же исследователи как Миллер, Кипшидзе и др. без каких-либо дополнительных оснований расширили хронологические рамки и отождествление двалов с осетинами произвольно распространяют на все предыдущие века и в их представлении двалы оказываются искони осетинским племенем. Они игнорируют, или упускают из виду, факт миграционных процессов и потому не замечают разность двалов средневековья и двалов XVIII в. Между тем из грузинских письменных памятников и осетинских фамильных преданий в совершенно четкой и утвердительной форме известно о наличии миграционных процессов, о перемещениях населения Центрального Кавказа и изменениях его состава за последние несколько веков, коснувшихся непосредственно и двалов.

Все вышеприведенные выдержки наглядно иллюстрируют насколько распространенным было мнение, причисляющее двалов к осетинским племенам. Одновременно из них со всей несомненностью явствует, что тезис о принадлежности двалов к группе осетинских племен имеет под собой два основания:

- 1) ссылки на грузинские исторические памятники, а именно, на свидетельства Вахушти Багратиони в его «Описании царства Грузинского».
- 2) То обстоятельство, что осетины XIX—XX вв. называют «Туаллаг»-ами (resp.-двалами), осетин. происходящих из Наро-мамисонской котловины, т. е. то обстоятельство, что туаллаг-двалами осетины именуют осетин же, происходящих с территории именовавшейся по средневековой грузинской номенклатуре — Двалетией.

Однако ни один из этих аргументов не подвергался обстоятельному анализу; не исследован подлинный смысл свидетельств Вахушти и не обследована та этническая общность, которая скрывалась под этнонимом Двал-Туал.

Вдумчивое чтение географии Вахушти Багратиони убеждает, что приведенные ссылки вышеназванных авторов на труд Вахушти ошибочны и не соответствуют своему источнику, порою представляя по существу искажение источника.

В грузинской исторической литературе до XIX в. и, в частности, у Вахушти Багратиони, о двалах сохранено много сведений, об их исторических судьбах имеется ряд высказываний —

Еще более определенно и с большим убеждением высказался проф. В. И. Абаев поэтому же вопросу позже. В 1949 г. он писал: «племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: *ir, digor, tual* (resp. двал. — В. Г.) и др. не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, по-видимому, к этническим самоназваниям до-осетинского населения, удержавшимся и после иранизации»²⁰ и далее—«что это были за народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа. На этот вопрос мы не можем ответить.... Можно только предполагать, что они были близки по типу к ныне соседящим с осетинами кавказским языкам: грузинскому, черкесскому и др.»²¹ «старое население (до-осетинское, на территории Осетии. В. Г.), по языку, надо полагать, родственное другим коренным народам Кавказа: вейнахам, черкесам, сванам, грузинам, абхазам»²².

Таким образом проф. В. И. Абаев представляет себе древних двалов племенно-этнически принадлежащими к иберо-кавказским племенам. Свои выводы он строит на данных осетинского языка и данных топо-этнонимии.

По этим данным восстановить строй исчезнувшего языка и его основной лексический фонд, конечно, невозможно. Но при широкой постановке исследовательской работы они могут оказаться достаточными для определения—с каким из живых языков состоит в генетической связи этот исчезнувший бесписьменный языксоздатель данной топо-этнонимии и пр., оставшийся как след в осетинском языке.

Выводы проф. В. И. Абаева, по признанию самого ученого будучи недостаточно аргументированы еще не окончательны и не решают пока вопроса. Однако, они весьма показательны и подлежат учету при дальнейшей исследовательской работе.

Не ясно также в изложении В. И. Абаева, каковы хронологические рамки проникновения ирано-осетин в Двалетию.

Принадлежность двалов к осетинским племенам отрицает в прямой форме и проф. Д. Гвритишвили, что он обосновывает рядом доводов в своей статье²³. Одновременно он высказался за иберокавказскую языковую принадлежность двалов.

Старый двальский язык он склонен причислить к группе черкесских языков, основываясь при этом на показании Вахушти²⁴.

²⁰ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор. I, 1949, стр. 79.

²¹ Там же, стр. 80.

²² Там же, стр. 78.

²³ დ. გვრიტიშვილი, დვალთა ენათმეცნიერება და მათი ჩამოსახლების საკითხისათვის, „მომზადებული“, I, 1949.

²⁴ „დვალური ძეგლი ენა, ვახუშტის გაგებით, არ არის თსური ენა, იგი (დვალური ენა) ჩერქეზულ ენათა ოჯახს ეკუთვნის“. Там же, стр. 114.

Нам представляется, что источник, в данном случае география Вахушти, не дает основания для такого вывода, т. е. для признания стародвальского языка именно черкесским, а общий контекст исторического прошлого Кавказа делает его маловероятным, хотя и не вполне исключенным. Но при недостаточности аргументации, составляющей недостаток работы А. Гвритишвили, ценным является преодоление им старого, неверного взгляда и поиски нового решения вопроса этнической принадлежности двалов.

Таким образом ряд ученых XX в. предполагает наличие генетической связи двалов с окружающими иберо-кавказскими племенами; причем поиски этих связей идут в разных направлениях, не выходя однако за пределы иберо-кавказского мира. Ценность высказанной ими совокупно точки зрения состоит в новизне аспекта, в искании генетических связей двалов в плоскости местных кавказских реально-исторических связей; но их общее слабое место—отсутствие широкой аргументации. Поэтому высказанные ими мнения есть скорее предположения, чем последовательно обоснованные гипотезы. В итоге вопрос—именно с которой из групп иберо-кавказских племен следует связать генетически двалов—остается открытым.

Такое современное положение в вопросе о племенной этнической принадлежности двалов. Совершенно неразработанным является и вопрос об исторических судьбах двалов до XV в., если не считать того, что нам сообщает об этом Вахушти.

Неизученность высокогорной зоны Центрального Кавказа древних и средних веков представляет собой значительный пробел в кавказоведении. Неудовлетворительность такого положения ясна сама собой и выявляется необходимость исследовательской работы в этом направлении.

Поскольку в утверждении существующего взгляда об осетинской этнической принадлежности двалов решающее значение сыграли ссылки на свидетельства географического труда Вахушти, необходимо, прежде всего, ближе ознакомиться со взглядами Вахушти на двалов и установить точно, что же собственно сообщает нам Вахушти о двалах и Двалетии.

Но мы не ограничиваемся этим. Свидетельств одного Вахушти недостаточно для определенных и убедительных суждений о двалах. Поэтому мы ставим своей задачей—учесть все имеющиеся свидетельства о двалах, почерпнуть из них элементы, характеризующие так или иначе двалов, выяснить соотношение двалов с окружающими их другими этническими единицами и, тем самым, выявить этнический характер двалов, уточнить до некоторой степени наши представления о них.

Такой широкий охват вопроса о двалах диктуется интересами общего кавказоведения. Ибо, слившись частью с грузина-

казом или Двалети, в которых поселились сыновья и потомки Кавкасоса².

В приведенных выдержках Вахушти касается вопроса этногенеза двалов и осетин.

Вахушти разделяет общую концепцию Л. Мровели о происхождении кавказских племен и народов и первоначальном заселении Кавказа и целиком следует за ним. Но в отношении двалов и Двалетии Вахушти рассказывает больше, подробнее и конкретнее, чем Л. Мровели. Он повторяет за Мровели имя одного из отпрысков Яфета, имя этнарха Кавкасоса, который признается пришельцем с юга и первоначальником на территории, прилегающей с севера к центральной части Главного Кавказского хребта, в первую очередь на территории бассейна рек Терек-Ардон и является эпонимом населения среднего Кавказа. Ущелья к западу от Терека названы Кавказом или Двалетией, в них поселены потомки Кавкасоса и там же нашли себе убежище те из потомков Кавкасоса, которых вытеснили с низменных мест «хазары».

Следовательно, по Вахушти, древнейшее население Двалетии происходит от Яфетида Кавкасоса, является племенем южного происхождения, и генетически ближайшим им племенем являются Дурдзуки. Но наличие специального топо- и этнонима Двалети—двали, не позволяет их просто отождествить с дурдзуками и указывает на то, что двалы представляли своеобразную этническую общность, несмотря на генетическую связь с дурдзуками.

Обращает на себя внимание факт, что Вахушти Багратиони в главу «Описание теперешней Осетии или внутреннего Кавказа» включил и параграфы описания Кистин, Дзурдзуков и Галгаевцев. Переход к описанию занимаемых ими ущелий он предваряет фразой «а теперь начинаем (описывать.—В. Г.) кав-

касцев восточной стороны хеви (ущелье р. Терека—В. Г.), так как закончили западную часть»³.

Этим Вахушти Багратиони еще раз подчеркнул генетическую взаимосвязь и общность древнейшего населения и территории примыкающих непосредственно к ущелью Терека с Запада и Востока.

Этим Вахушти Багратиони признает генетическую связь между населением западных и населением восточных, от Терека, ущелий не только в далеком прошлом, но и в настоящем (XVII—XVIII вв.).

Вахушти пытается раскрыть этимологию слова «Двалети»⁴ с помощью русского языка так: Двалети от два-лета, т. е. два года. Это имя возникло якобы в связи с тем, что «хазары» взымали дань с них только на второй год, взымая годовую дань с Двалов и Дзурдзуков поочередно: один год с жителей к востоку от Терека, другой год с жителей к западу от Терека. Этимология, конечно, ошибочная; но это толкование Вахушти иллюстрирует его представление об этнической принадлежности древнейшего населения Двалетии, как потомков Кавкасоса и данников «хазар» — осетин.

В приведенных выдержках повествуется одновременно и о происхождении осетин. Их этногенез изображен у Вахушти также согласно концепции Л. Мровели. А именно: Царь «хазарский» после победоносных походов на юг отдал «хазарскому» царевичу — своему сыну Уобосу — герр. Урбаносу пленный грузин и армян и равнинную территорию Северного Кавказа, занимаемую дотоле потомками Кавкасоса. Уобос-Урбанос поселился на этой территории с пленными грузинами и армянами и от этого смешения разных этнических элементов произошли осетины.

Под социально-политическим господством и давлением «хазар» собственно произошло смешение пленных Закавказья с аборигенами — с потомками Кавкасоса (также покоренных «хазарами»), и в результате такого процесса возникла новая этническая общность — осетины.

Следовательно, по представлению Вахушти древнейшее население Двалетии более раннего и целиком южного происхождения, а осетины более позднего происхождения и результат смешения — скрещения господствующих «хазаров» (северный элемент) с пленными закавказцами и потомками Кавкасоса (южный элемент).

² „ოდეს მოვიდა კავკასოს წილნდომილსა თვისსა და დაეშენა ამათ ქვეყანათა, და დაიპყრა მან და ძეთა მისთა და ძის ძეთა მისთა. განმრავლდნენ ესენი და იყუნენ მორჩილებასა შინა მცხეთელ მამასახლისისა და ოდესმე განდგომილნი და მტერნი ვითარცა აღესწერენით, გამოსულამდე ხაზართა მეფისა; ხოლო ოდეს გამოვიდა ხაზართა მეფე, მისცა ქვეყანა ესე ურბანოსს. ძესთა თვისსა (რომელმან უწოდა ოვსეთი) და ტყვენი რანისანი და სომხითისანი; მაშინ მოვიდა ურბანოსს ტყვეთა მით და დაეშენა თვით და ტყვენი იგინი დააშენა, აქა, ველსა ამაჲ; არამედ ძურძუკოს, ძემან ტინენისამან, რომელი უწარჩინებულეს იყო ყოველთა ძეთა შორის კავკასოსათა, შემოვიდა ესე ძურძუკოს კავკასიასა შინა და ჰპოვა ადგილი ფრიად მაგარი და აღაშენა ქალაქი და უწოდა სახელი თვისი ძურძუკი და ხარკსა მისცემდა ხაზართა და ეწოდა შემდგომად მისსა ძურძუკეთი ხევის აღმოსავლეთთა გეობათა; ხოლო ქვეის დასავლეთისათა კავკასიი ანუ დვალეთი, რომელთა შინა დაეშენნეს კავკასის ძეთაგანი და ნათესავთაგანი“. там же, стр. 458—460.

³ „ხოლო აწ ვიწყებთ ჯვეის აღმოსავლეთის კერძოთ კავკასიელთა, ვინაიდან შევასრულეთ დასავლეთის წილი“. ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსათბ. 1941., стр. 117.

⁴ Там же, стр. 106.

Следовательно, между двалами и осетинами нет прямого генетического родства, эти два народа не связаны между собой общностью происхождения. Процессы генезиса этих двух различных народностей различны. Можно говорить лишь о наличии двальского этнического элемента в осетинском этносе, о двальском субстрате осетинского.

Но не только первоначальное население Двалетии было генетически связано с дурдзуками, но и позднейшее население являлось таковым. В этом смысле Грузинская средневековая историография содержит еще одно, заслуживающее внимания, сообщение, прямо относящееся к вопросу об этнической принадлежности двалов. Мы имеем в виду сохранившееся у Л. Мровели предание о том, что второй царь Грузии Саурмаг переселил половину дурдзуков — кавкасианни из Дурдзукети в Грузию и поселил их между Дидоети и Сванети⁵.

Это есть именно территория Центрального Кавказа, она включает в себя Двалетию, Магран-Двалетию и территорию, занимаемую тушами и пшав-хевсурами, т. е. пховцами по древнегрузинской номенклатуре.

В этом предании важным для нас моментом является признание населения высокогорной зоны Центрального Кавказа этнически принадлежащим к дурдзукам, т. е. к вейнахскому племени.

Двалы названы в высокогорной зоне Центрального Кавказа античными писателями еще в I веке н. э. В VII веке армянская анонимная география тоже называет двалов в Центральном Кавказе. Двалов же называет грузинский историк эпохи Тамары (начало XIII века). Следовательно в X—XI вв., в эпоху современную Л. Мровели, двалы же населяли высокогорную зону Центрального Кавказа.

Руисская епархия, пастырем которой состоял Л. Мровели, соседит с Никозской и Самтависской епархиями, которые непосредственно включали в себя далекие, глубинные ущелья Большого Кавказа, в том числе и Двалетию и Магран-Двалетию. Поэтому Л. Мровели легко мог быть осведомлен о двалах и Двалети. Если при этом Л. Мровели пишет о заселении в древние века дурдзуками гор и ущелий между Дидоети и Сванети, то видимо современные ему данные о двалах не противоречили этому древнему преданию. Поэтому мы считаем вполне основательным вывод, что Л. Мровели считал двалов этнически принадлежащими к дурдзукам, т. е. к вейнахским племенам.

Вахушти в связи с толкованием этимологии названия местности «Сванети» тоже приводит сообщение о переселении Саурмагом дурдзуков до Сванетии⁶. В данном случае Вахушти очевидно зависит от Л. Мровели и он поэтому не имеет ценности как источник исторического свидетельства. Зато это сообщение служит показателем взглядов самого Вахушти на вопрос об этнической принадлежности древнего населения высокогорной зоны Центрального Кавказа в пределах Грузии и в этом ценность факта наличия этого сообщения в труде Вахушти.

Таким образом данное сообщение Вахушти тоже дает нам прямое основание утверждать, что Вахушти население последних веков до н. э. (время дая Саурмага и после) высокогорной зоны Центрального Кавказа в пределах Грузии, следовательно и двалов, этногенетически связывал с дурдзуками, т. е. с вейнахскими племенами.

Таково свидетельство Вахушти и всей средневековой грузинской историографии о происхождении и этническо-племенной принадлежности древнейшего населения Двалетии, т. е. собственно двалов.

Мы сказали таково свидетельство всей средневековой грузинской историографии, т. к. зависимость Вахушти от Леонти Мровели несомненно, а Леонти Мровели сообщенные им факты древнейшего периода истории Грузии в свою очередь не сочинял, а черпал из более ранних (VII—VIII вв.) источников, заслуживающих доверия (таково мнение К. Кекелидзе, П. Ингорквва, Г. Меликишвили и др.).

Таким образом высказанный взгляд об этнической принадлежности населения последних веков до н. э. высокогорной зоны Центрального Кавказа в пределах Грузии имеет давность по меньшей мере десяти столетий. При этом Леонти Мровели и его источник выразители этого взгляда, были современниками средневековых двалов, а Вахушти, повторивший сообщение Мровели через семь столетий, тоже знал не только грузинскую историографию, но и непосредственно был хорошо знаком с Центральным Кавказом. Если при таких условиях этот взгляд Грузинской историографии сохранял столь длительно стабильность, то это конечно показатель того, что реальная действительность Центрального Кавказа средних веков не противоречила, не опровергала его своими фактами.

ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕРРИТОРИИ ДВАЛЕТИИ

Вахушти не ограничивается повторением предания о заселении потомками Кавкасосу вообще ущелий западнее Терека. В

⁵ „ამან საურმაგ წარმოიყუანა იგინი (დურძუკნი.—ვ. გ.) ყოველთა კავკასიის ნათესავთა ნახევარნი, და რომელნიმე მათგანი წარჩინებულ ყუნა, და სხუანი მითთვალეს დიდოეთითან ვიდრე ეგრისადმდე, რომელ არს სუანეთი“. ქართლის ცხოვრება, თბ., 1942, стр. 19.

⁶ „ოდეს ვერლარა იტევდა ძურძუკეთი კაცთა, ბ. მეფემან საურმაგ აჭყარა მუნიდამ და მისცა აქა (სვანეთში—ვ. გ.) სვანე და დასხნა სულნი დიდძალნი“. ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა საქართველოსა, 1941, стр. 173.

18

своем географическом труде он дает значительно более конкретное описание территории, именуемой Двалетией. Точность и конкретность, порой поражающая подробность описания, убеждает, что географические данные почерпнуты из собственных наблюдений или из хорошо осведомленных источников (устных и письменных).

Из вышеприведенных выписок видно, что после первого появления хазар-овсов потомки Кавкасоса потеряли степную полосу Сев. Кавказа и ушли в горы. Они заняли западную от Терека сторону, которую Вахушти назвал Двалети, не уточняя ее границ. Сторону же к востоку от Терека назвал Дзурдзуке. Позже «остались Фарнаозу Дзурдзуки и Двалети, а другие те ущелья остались осетинским царям, и названы были те ущелья Осетией, заселением и подчинением их ими же»⁷, т. е. другие ущелья вследствие заселения и подчинения их осетинами, названы были Осетией.

Здесь же дается конкретный перечень ущелий, на которые делились эти территории. Двалети состояла из: Кассарского ущелья, Эрамага, Жгеле, Нар, Эрого, Зана, а ущелья занятые овскими царями были: Чими, Тагаури, Куртаули, Балагири, Дигори и Басиани⁸. В древнее время к Двалети принадлежали по Вахушти, еще ущелья Труссо и Хеви⁹. Наконец, к Двалетии Вахушти относит и истоки Б. Лиахви — Магран-Двалетию¹⁰. Далее он очерчивает внешние границы современной ему Двалетии. Двалетию граничит с востока: гора между Труссо и Хеви и гора между Кассарским ущельем и Балагири; с юга: Кавкас Магран-Двальский, Захский, Брут-Сабдзели, Зекарский и Кедельский; с севера гора Хокского Кавказа и Черкесские горы; с запада: гора Кавкас, идущая от Кедеи и между Кедеи и Рача-Глола, затем между ним и Дигори до Черкесских гор¹¹. Эта Двалетия включает следовательно, ущелье Труссо и Нарскую котловину с Кассарским ущельем; а Хеви и ущелья от Чими до Балагири здесь не разумеются.

Вдумываясь во все эти свидетельства географии Вахушти становится ясно, что по его представлению в древние века Двалетией обозначалась более значительная территория, чем в эпо-

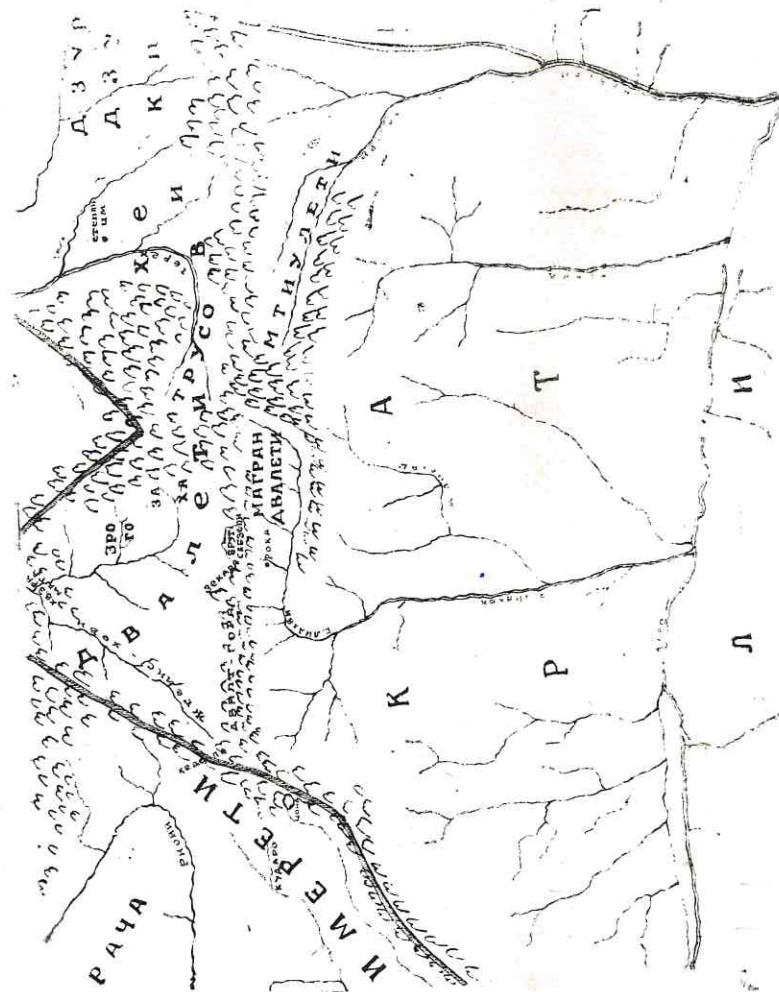
⁷ „დარჩა ფარნაოზს ძურძუკი და დვალეთი, და სხვანი კვენი იგინი დაშთენ მეფეთა ოვსთას; და იწოდნენ კვენი იგინი ოვსეთად, შემოსახლებითა და დამონებითა მათითა მათგანვე“. ვახუშტი, цит. соч. 1941, стр. 107.

⁸ См. там же, стр. 107.

⁹ „არამედ კვენი. არს დვალეთისავე... არმედ თრუსო კვალად არს დვალეთისავე.“ там же, стр. 107.

¹⁰ „არამედ კვლავნი ესენი, რომელნი აღესწერეთ მადრანდვალეთითურთ, არიან დვალეთი“. там же, стр. 115.

¹¹ Там же, стр. 115—116.

Двалетия. С карты Вахушти (XVIII в.) (выкопировка)

х^{III} позднего средневековья. Двалетия, помимо Нарской котловины включала первоначально еще ущелья Трусо и Хеви и некоторую территорию севернее Нарской котловины.

Распространялся ли топоним Двалети и на ущелья Чими-Балагири, по представлению Вахушти?

Определенно ответить затруднительно. Можно сказать только, что по Вахушти эти ущелья были заселены первоначально двалами или племенем близко родственным двалам. И еще: Вахушти в одном месте выразился так: «Кассарское ущелье... и теперь еще именуется Двалетией»¹². На это место обратил внимание еще акад. Г. Ахвледиани¹³ и данное им толкование представляется нам правильным. Выражением «и теперь еще» видимо Вахушти противопоставляет Кассарское ущелье перед тем описанным Чими-Куртат-Балагирскому ущельям. Если это действительно так, тогда выходит, что эти ущелья первоначально принадлежали тоже к Двалетии, но после перестали именоваться Двалетией.

Некоторое основание разуместь наличие Двалетии и ниже, т. е. севернее Кассарского ущелья, дает также выражение Вахушти «выше Кассаро-ущельная Двалетия»¹⁴. Раз, применительно к древней эпохе (царя Фарнаоца) топоним Двалети снабжен определением «выше Кассаро-ущельная», следовательно, для того времени можно предполагать наличие и «ниже Кассаро-ущельной Двалетии», т. е. распространенность Двалетии севернее Кассарской теснины; каковая Двалетия и «осталась царям овским». Но одних таких умозаключений все-таки недостаточно. Текст Вахушти допускает в данном случае двойственное толкование и постольку категорически не исключает ни утвердительный ни отрицательный ответы на поставленный вопрос.

Для средневековья Вахушти различает собственно Двалетию и Двалетию в широком смысле. Собственно Двалетия это Нарская котловина с Кассарским ущельем; в широком смысле Двалетия включала в себя помимо собственно Двалетии, еще Магран-Двалетию и Трусо.

На географической карте, составленной самим Вахушти, наименованием Двалети помечена Нарская Котловина с Кассарским ущельем.

Следовательно, основная часть Двалетии находится севернее Гл. хребта Б. Кавказа, а значительно меньшая часть, только Магран-Двалетия (истоки р. Б. Лиахви), переходила на его южные склоны. Первоначально, в древние века, Двалетия граничи-

¹² „კასრისებობა—იწოდების აწცა დვალეთად“ там же, стр. 119.

¹³ გ. ახვლედიანი, ისტორიული ცნობა დვალეთისა და დვალეების შესახებ. ენიმკის მოამბე ტ. X, 1941.

¹⁴ „დვალეთი კასრის-კარს ზეითი“, там же, изд. 1941, стр. 107.

ла на севере с Осетией, на востоке — с Дзурдзукетией (вейнахскими племенами), на юге и на западе — с Картли и Сванетией (грузинскими племенами).

Вот географические границы Двалетии и территория Двалетии как они представлены у Вахушти.

ОБ ЭТНОНИМЕ «КАВКАСИАНИ»

Прежде чем перейти к вопросу об исторических судьбах двалов необходимо разъяснить один вопрос.

В грузинских исторических памятниках, — «Обращение Картли», история Л. Мровели, сочинение Джуншера, Хронограф (ქრონოგრაფი), сочинения Вахушти и др., — неоднократно употреблен этноним «Кавкасиани» — კავკასიანი, т. е. «Кавкасцы», с неизменным приурочиванием его к центральной части гл. хребта Кавказа. Какие же племена, какая этническая общность или масса разумелась грузинской средневековой историографией под этим этнонимом?

По господствующей средневековой грузинской этногенетической концепции (Л. Мровели) известны восемь этнархов кавказских народов; каждый из них определенно локализован, так что территория Кавказа оказывается полностью размежеванной; нет вакуума, так же, как нет нарушения пределов одного границами другого. При этом размежевание не произвольное, а соответствует этническим границам. Таким образом имена этнархов служат эпонимами.

Это означает, что как за спиной этнархов Картлоса, Эгроса, Бардоса, Лекоса и др. стоят реально исторически существовавшие племена, так же точно и за спиной этнарха Кавкасоса следует разумеать какие-то реально-исторически существовавшие племена.

Имя этнарха Кавкасоса служит эпонимом аборигенного населения центральной части Большого Кавказа. Наименование это, как и имена некоторых других этнархов (Бардос, Мовакан, Эгрос) производное от географического названия, от топонима; в данном случае — от топонима Кавказ, которым обозначалась центральная часть Большого Кавказа: между Эльбрусом и Казбеком, или шире, между Эльбрусом и р. Аргун.

Следовательно, этноним «кавказиани» содержит понятие локальности и потому прежде всего говорит о географическом распространении разумеемых племен.

Но в силу господствующей в средневековой грузинской историографии этногенетической концепции, этноним «кавказиани» будучи увязанным с этнархом Кавкасос приобретает и некоторое этнологическое содержание. Согласно этой этногенетиче-

ской концепции «кавказиани» как потомки Кавкасоса, этнически должны были быть родственными другим собственно кавказским народам — группам племен: потомкам Эгроса — эгрисцам, Картлоса — картам, Бардоса — албанцам, Лекоса — дагестанцам и др., но одновременно в их среде образующими особую своеобразную группу племен.

Таким образом, употребляя этноним «кавказиани» грузинская средневековая историография разумела исторически реально существовавшие в древности племена — общины центральной части гл. хребта Кавказа генетически родственные остальному кавказскому этно-культурному миру; и наименованием «Кавкасиани» так же, как и наименованиями эгрисцы, карты, леки, обозначала не мифические этносы, а реально-исторически существовавший этнос.

Что употребление этнонима «кавказиани» было выражением, не теоретизирования, а практического опыта, это явствует из того, что этноним «кавказиани» употреблен многократно не только при изложении этногенетической концепции Л. Мровели, но и в описаниях конкретных исторических случаев, с конкретным значением.

Приведем этому примеры:

Оставим мифологический период и коснемся уже периода исторического. По Л. Мровели сын первого царя Картли Фарнаваза Саурмаг для борьбы с внутренними врагами попросил помощи у царя овсов, сына сестры его отца, и «собрал также дурдзукцев» (родню матери)¹⁵. Тут же говорится что «дурдзукцы, суть потомки Кавкасаса»¹⁶. Далее, он расселил «половину всех потомков Кавкасаса» между Дидоэти и Сванети, т. к. в Дурдзукети им было тесно¹⁷. При третьем царе Мирване «все кавкасцы, которых переселил царь Саурмаг, были верны в подчинении Мирвана, кроме чартальских»¹⁸. Далее о союзе дурдзуков с чартальскими «кавказцами» и борьба с ними Мирвана, его победа и вступление в Дурдзукети.

Несколькими веками позже царь Персии прежде чем послать в Грузию своего сына, будущего царя Мириана (первого крещенного христианина-царя Картли), навел справки о Мцхета. Ему сообщили о «крепости города и близости хазар и

¹⁵ „საქრთაჲს ეზრახა ოცთა მეფესა... და ითხოვა შეწევნა... და საურმაგ შეიკრიბა დურძუკეთი“. — ქართლის ცხოვრება, თბ. 1955, სტრ. 27.

¹⁶ „დურძუკნი. ნათესავნი კავკასისნი“. там же, სტრ. 27.

¹⁷ „წარმოცვანა ყოვეთა კავკასის ნათესავთა ნახევარი. რადგანაც ვერღარა იტევდა ძუძუკეთი“, там же, სტრ. 27.

¹⁸ „ყოველნი კავკასიანნი იცვნეს სარწმუნოთ მორჩილებასა ზედა მირვანისსა-რომეონი გარდამოკლინებულ იცვნეს. საურმაგ მეფისაგან, თვინიერ ქართლ-თასა“, там же, სტრ. 28.

овсов»¹⁹; и он из всех городов Закавказья избрал для резиденции своего сына именно Мцхета. Одно из соображений диктующих дать предпочтение Мцхета была «близость северных врагов (т. е. хазар и овсов.—В. Г.), чтобы отсюда (удобнее) с ними бороться и держать в подчинении всех кавкасцев»²⁰. Таким образом здесь размежеваны «северные враги», т. е. «хазары и овсы», с которыми предполагается воевать, от «всех кавкасцев», которых предполагается иметь подвластными.

Так мы убеждаемся, что Л. Мровели при описании конкретных исторических фактов выделяет особую этническую группу «кавказцы» (კავკასიელები), отличную от грузин, осетин, хазар и др., но, одновременно, родственную дурдзукам и населяющую высокогорную зону центрального Кавказа.

Этот взгляд выраженный вполне ясно, недвусмысленно и последовательно у Л. Мровели нам представляется выражением более древних (чем XI в.) мнений и сведений и отголоском далекого (для XI в.) прошлого.

С подобным фактом встречаемся мы и у Джуаншера. Описывая поход царя Вахтанга Горгасала (2 пол. V в.) против «овсов». Джуаншер несколько раз называет «царей (старшин) кавкасцев»²¹ с их войском. Эти «кавказцы» выступают вассалами и союзниками царя Вахтанга Горгасала в войне против «овсов», позже и против персов. Из контекста ясно, что эти «кавказцы» не были ни «овсы» ни «леки».

Хроника «Обращение Картли», в своем повествовании попутно касается и событий VI в.: ликвидации царского института в Картли, господства персов, занятия персами горных кавказских проходов для пресечения набегов с Сев. Кавказа и т. д.

Тех именно событий, которые подробнее и в ином контексте описаны у Прокопия Кесарийского; из повествования Прокопия Кесарийского мы знаем, ясно, что вопрос шел об охране кавказских проходов от нашествий алан и гуннов. «Обращение Картли» пишет «как кончилось царствование в Картли усилились персы и покорили Эрети и Сомхети. Но Картли сильнее покорили и вступили к кавкасцам и взяли овские врата (т. е. врата ведущие в Овсетию.—В. Г.), одни большие ворота в Овсетию же и двое в Двалетию и одни в Парчуане Дордзекетском и тех горцев

¹⁹ „უთხრეს სივრცე და სიმაგრე მისი (მცხეთისა,—ვ. გ.) და მახლობლობა ხაზართა და ოვსთა“; там же, стр. 63.

²⁰ სპარსთა მეფემ მცხეთა „ყოვლისა უფროსად და უმაგრესად გამოარჩია და მახლობელად ჩრდილოთა მტერთა, რათ, ჰბრძოდის მათ მუნით და იპყრობდეს ყოველთა კავკასიანთა“, там же, стр. 64.

²¹ „წარვიდა ვახტანგ და მიაღუა თიანეთს, მუნ მიერთნეს ყოველნი მეფენი კავკასიანი ორმოცდათი ათასი მხედარი... განვლო კარი დარიალანისა, შესვლასა მისსა ოვსეთად...“, там же, стр. 151, см. так же стр. 159, 179.

поставили сторожевыми»²². Ясно, что выражение «тех горцев» понимает «кавказцев» и что «кавказцы» не аланы-овсы или гунны, от которых именно приходилось обороняться и против которых ставили сторожевых. Итак мы видим, что применительно к эпохе с древних веков до начала средневековья этноним «кавказцы» применялся часто различными летописцами. С наступлением позднего средневековья этот этноним встречается редко, а после и совсем исчезает.

Историк первой четверти XIII в., описывая восстание царевича Деметра и Орбелиани против царя Георгия, пишет: «пришли эретский эристав и все эреты со всеми (со многими) леками и кавкасцами»²³.

Под «кавказцами» нельзя разумеать грузин-горцев или осетин, так как в этом же памятнике осетины названы своим именем многократно, а для грузин-горцев имелись другие этнонимы (мтиули, мохеве, пхови, мтеули). Естественно в них видеть ближайших западных соседей Дагестана, т. е. чечено-ингушские племена, соседящих с севера с Кахет-Эрети.

Упоминание «кавказцев» имеется у Хронографа (XV в.). Он пишет про Георгия Блистательного «после опять рассмотрел царь дела мтиулов и кавкасцев, ибо много беспорядков творилось... и подчинил पुще прежнего находящихся в Кавкасе (т. е. в высокогорной зоне)»²⁴.

В данном случае интересно выражение „კავკასის შიბა ზუღებო“, «находящиеся в Кавкасе». Точно такое выражение употребляет Вахушти несколько раз в отношении двалов и Двалетии. Одновременно из «Памятника Эриставов» мы знаем достоверно, что в XIV в. в верховьях Б. Лиахви находятся двалы, которые занимались частыми разбоями. Поэтому мы имеем достаточно оснований признать, что в сообщении «Хронографа», под «находящимися в Кавкасе» и под названными рядом с мтиулами-горцами кавкасцами разумелись именно двалы.

К эпохе грани XIV—XV вв. относятся сообщения в I части «Истории Грузии» Вахушти, где говорится, что «царь Георгий

²² „ვითა მეფობაი დაესრულა... ქართლს შინა სპარსნი განძლიერდეს და ერეთი და სომხითი დაიპყრეს. ზოლო ქართლი უმეტესად დაიპყრეს და კავკასიანთა შევიდეს და კარნი ოვსეთისნი აიგნეს და ერთი დიდი კარი ოვსეთივე და ორნი დვალეთს, და ერთი პარჭუენს დორძოვეთისასა. და იგი მთიონი გომარდად დაადგინეს...—სმ. В изд. Е. Такайшвили, Описание рукописей „Общ. распр. грам...“ II т. III в. стр. 723, 1908.

²³ „მოვიდეს ჰერეთის ერისთავი და ყოველნი ჰერნი სრულითა ლეკითა და კავკასითა“—„ისტორიანი და ახმანი შარავანდედთანი“, კ. კეკელიძის გამოცემა 1941, стр. 68.

²⁴ „მეგრე კვალად განიხილა მეფემან მთიულთა და კავკასთა საქმენი, რამეთუ მრავალნი უჯგორონი იქნებოდნენ... და დაიმორჩილა ყოველნი უმეტეს პირველისა კავკასისა შინა მყოფნი“, „ქართლის ცხოვრება“, 1897, стр. 658.

(VII)... вывел через Дарьял много овсов и кавкасцев... царь Георгий... опять вывел овсов, кавкасцев и дзурдзуков»²⁵.

К Дарьялу помимо овсов по местонахождению наиболее близкими являлись чечено-ингушские племена и двалы. Поэтому вполне естественно, предположить, что в цитированных случаях у Вахушги разумелись двалы и чечено-ингушские племена.

Употребление Вахушгием этнонима «кавказцы» в таком смысле соответствует и его этногенетической концепции и смыслу, в котором он обычно пользуется этнонимической номенклатурой.

К этой же эпохе относится сообщение Эгнаташвили в «Новой Картлис Цховреба», что к войскам Тамерлана в Шаке (Азербайджане) «присоединились все жители тех мест, великие и малые, кавкасиани и леки, ширванцы и гилан-мазандеранцы»²⁶.

В данном случае наиболее вероятно, предполагать в «кавказианах» чечено-ингушские племена.

Наконец, автор второго «Продолжения Картлис-Цховреба» пишет: «в царствование царя царей Баграта было большое отдохновение грузин... он (Баграт.—В. Г.) имел Картли, Сомхети... и имел имеретин, одишцев (т. е. мегрел.—В. Г.), гурийцев, абхазов, сванов, джиков и мтиулов, кавкасцев»²⁷.

Это же самое место встречается в «Новой Картлис-Цховреба» Бери Эгнаташвили, причем оно им почерпнуто из раннего источника, как это он сам указывает²⁸. Это сообщение относится к середине XV в.

В данном случае трудно определить, какое конкретное содержание вложено в этноним «кавказцы».

Но одно представляется несомненным: факт употребления термина «кавказцы» в таком контексте, при перечне этнических единиц, указывает на то, что в грузинской этнонимической номенклатуре, периода предшествующего позднему средневековью, этнонимом «кавказиани» обозначалась некая особая этническая масса, населявшая Центральный Кавказ.

²⁵ „გიორგი მეფემან... გამოიყვანა დარიელიდამ ოვსნი დიდძალნი და კავკასიანი... გიორგი მეფემან... გამოიყვანა კვალად ოვსნი, კავკასნი და ძურძუკნი“, ვახუშტი, საქართველოს ისტორია გამოც. დ. ბაქრაძის მიერ, 1885, стр. 291.

²⁶ „მეგრეთეს ყოველნივე მკვიდრნი მის ადგილისანი, დიდებულნი და მცირენი კავკასიანი და ლეკნი, შირვანელნი და გილან-მანზადარელნი“.

ბერი ეგნატაშვილი, ახალი ქართლის ცხოვრება, стр. 11, 1940.

²⁷ „იყო მეფობასა შინა მეფეთ მეფისა ბაგრატისა დიდი მოსვენება ქართველთა... ამას (ბაგრატსა.—ვ. გ.) ჰქონდა ქართლი, სომხეთი... და ჰყვეს იმერელნი, ოდიშარნი, გურიელნი, აფხაზნი, სვანნი, ჯიქნი და მთიულნი, კავკასნი“ (var.—კავკასიანნი): ქართ. ცხოვრ. მრავალ დედოფლისეული, 1906, стр. 892.

²⁸ ეგნატაშვილი ბერი, ახალი ქართლის ცხოვრება, 1940, стр. 35.

Применительно к событиям XVI — XVIII вв. упоминание «Кавкас(иан)ни» уже не встречается.

Во всех приведенных случаях этноним «кавказ(иан)ни» употреблен рядом с этнонимами «овсни», «леки», «мтиули». Это ясно указывает, что в высокогорной зоне Бол. Кавказа еще в эпоху раннего средневековья была этническая группа не отождествляемая ни с осетинами или дагестанцами, ни с грузинскими «мтиулами», что в центральном Кавказе до середины средних веков реально существовали какие-то своеобразные племена — общины, объединяемые общим этнонимом «кавказ(иан)ни». Из исторически известных и реально существующих до настоящего времени племенных групп центрального Кавказа помимо «овсов» и грузин горцев (сванов, мтиулов и др.) известны лишь чечено-ингушские племена. А эти племена и выражающий их этноним «дурдзукни» не фигурируют параллельно с «кавказ(иан)ни», и в известных случаях перечисления племен мы встречаем в одних случаях наименование «дурдзукни» в других случаях наименование кавкас(иан)ни²⁹. Таким образом эти два этнонима кавкас(иан)ни и «дурдзукни» в некоторых случаях заменяют друг друга, а следовательно и покрывают друг друга, но не полностью.

«Дурдзук» — определенно и, при всех его упоминаниях, единообразно локализованный этноним, между Дидоэт-Дагестаном на Востоке и ущельем р. Терека, на западе.

«Кавкас(иан)ни» — не столь определенно и единообразно локализованный этноним; он локализуется иногда в верховьях ущелья Арагви, иногда в ущельи Терека, а иногда и западнее. Поэтому нельзя считать их синонимами. Учитывая всю совокупность свидетельств о «кавказ(иан)нах» и «дурдзуках», правильнее представить их взаимоотношение как целого и части.

При этом «кавказ(иан)ни» является более широким понятием, а «дурдзукни» понятием самой значительной части этого целого «кавказ(иан)ни».

²⁹ Исключение составляет лишь один случай цитированный из «Истории Грузии» — Вахушги (см. выше), где «кавказцы» и «дурдзуки» названы параллельно. Принимая во внимание, что в грузинских источниках встречаются, как исключения, отдельные примеры не последовательного употребления и некоторых других этнонимов (напр. «мтиули»), мы считаем данный случай редким примером (нам известен лишь этот один пример) не последовательного употребления терминов «кавказиани-дурдзуки».

В названном случае под «кавказцами», видимо, подразумевались родственные дурдзукам другие вейнахские племена. В том числе, возможно и двалы, а сами «дурдзуки» названы отдельно от «кавказцев», чтобы тем самым подчеркнуть множество и пестроту состава призванных царем горцев.

Это дает нам основание заключить, что под этнонимом «кавказ(иан)ни» разумелась именно группа чечено-ингушских и других, родственных им, племен. К числу этих последних должны были принадлежать горные племена — общины к западу и юго-западу от современного расположения Чечено-Ингушетии, ибо восточные соседи обычно назывались поименно: дидо и леки. Непосредственно к западу от Чечено-Ингушетии находятся Хеви—Трусо—Двалетия. Поэтому следует заключить, что по средневековой грузинской традиции «кавказианами» именовались племена населявшие в древности ущелья центральной части Большого Кавказа западнее Чечено-Ингушетии. В состав этих племен входили совместно с чечено-ингушскими племенами еще двалы и некоторые другие племена; в своей совокупности они являлись своеобразной группой племен аборигенно-кавказского характера и отличной от племен ираноязычных осетин. Таковым представляется нам то реально-историческое содержание этнонима «кавказиани», которое разумела грузинская средневековая историография под данным этнонимом.

Мы склонны принять такое понимание этнонима «кавказиани» и будем его употреблять в дальнейшем именно в этом смысле.

Употребление этнонима «кавказиани» в эпоху развитого феодализма становится редким; одновременно и более узким по своим масштабам. Это легко объяснить фактом ассимиляции, растворения их основной массы соседними этническими единицами грузинами и ираноязычными осетинами еще в течение 1-го тысячелетия н. э..

Наличие все же в позднее средневековье единичных случаев упоминания этого этнонима может быть объяснено частично тем, что часть «кавказиани» в лице двалов (как мы дальше выявляем, хотя и значительно огрузиневшими) сохранялась по крайней мере до XV века, а в лице чечено-ингушских племен сохранилась до настоящего времени; с другой стороны оно может быть понято как проявление, хотя уже не соответствующей действительности, но еще не полностью преодоленной отмирающей этнонимической традиции.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ДВАЛОВ

На основании всего вышеизложенного и цитированного касательно двалов и «кавказцев» исторические судьбы двалов в изложении Вахушти (а через него и в изложении господствующей концепции предыдущей средневековой грузинской историографии) представляются в следующем виде:

Первое упоминание Двалетии у Вахушти встречается после разгрома Уобос—«хазарами» потомков «кавказоса», когда разбитые потомки «кавказоса» укрылись в ущельях к западу от Те-

река и эта территория назвалась Двалетией. Это первый значительный поворот в истории потомков Кавкассоса. Вторая важная веха в истории потомков Кавкассоса — двалов приходится примерно на III в. до н. э. Вахушти по этому поводу пишет: «а после воцарения Фарнаоза (первый царь Картли.—В. Г.) остались за Фарнаозом Дурдзуки и Двалети; а другие те ущелья остались за царями овскими»³⁰.

Итак, Двалетия, как Трусо-Хеви, так и Нарская котловина, до Кассарской теснины, оказалась в составе грузинского государства со времени его возникновения.

После этого история собственно Двалетии входит в общую историю Грузии и она рассматривается как одна из провинций Грузии. Так, например, царь Саурмаг расселил на территории Двалетии, в широком смысле, многих дурдзуков.

Третий царь Картли Мирван в Дарьяльском ущелье повесил врата и укрепил это ущелье против хазар и овсов, чтобы оградиться от нашествий³¹. В Кассарской теснине цари Грузии также возвели укрепления для ограждения своего государства от нападений овсов³².

Двалы подразумеваются участниками в ряде исторических событий Грузии в собирательном этнониме «Кавкасиани» — ჯავახიანნი.

а иногда они названы и собственным именем — «двалы». Такое положение длится до середины XIII в.

Третья важная веха в истории Двалетии наступила в XIII—XIV вв.

Вахушти пишет так: «а в приход татар от Чингизовых ханов и больше всего от Батые и Орхана уничтожена и разорена была» Осетия, «и бежали овсы сюда во внутрь Кавказа»; «и вновь после прихода Тамерлана и взятия Константинополя одолели осетин с одной стороны Татар-хан, а с другой—Тамерлановы кочевники (элы) магометане и бежали (осетины.—В. Г.) во внутрь Кавказа и покорили племена кавказцев, которые суть двалы»³³.

Из цитированного явствует, что Осетия потеряла от монголов два сокрушительных удара: 1) в 40—50-ых годах XIII ст.

³⁰ „ხოლო შემდგომად ფარნაოზის გამეფების, დარჩა ფარნაოზს ძურდუკი და დვალეთი, ხოლო სხუანი ყვენი იგინი დარჩნენ მეფეთა ოვსთასა“. ვახუშტი, აღწერა სამეფოსა, საქართველოსა, 1941, стр. 107.

³¹ Там же, стр. 67.

³² Там же, стр. 114.

³³ „ხოლო მოსვლასა თათართა ჩინგიზ ყვენთაგან და უმეტეს ბათოსა და ორხანისაგან მოისრა და მოტვრდა“ ოსეთი და შემოივლტოდნენ ოვსნი ამ კავკასიათა შინა“, „და კვალად შემდგომად მოსვლისა ლანგთემურისა და აღებისა კონსტანტინოპოლისა ემძლავრნენ ოვსთა იქით თათარხანი და აქეთ ლანგთემურის ელნი მოჰმადიანნი და შემოივლტოდნენ კავკასიასა შინა, და დაიპყრეს კავკასთა ნათესავნი, რომელნი არიან დვალნი“. ვახუშტი, цит. соч. 1842; стр. 460.

(«Чингизовы ханы и—Батый») и 2) в конце XIV в. и 1 пол XV в. («после прихода Тамерлана и взятия Константинополя»). Соответственно были две волны миграции осетин вглубь ущелий Б. Кавказа, двукратное внедрение осетин в Двалетию и в конечном итоге покорение двалов осетинами.

Начавшийся с установлением монгольского ига процесс политической дезорганизации Грузии прогрессировал, несмотря на отдельные, порой удачные попытки (Георгий V, Александр I) реставрации и стабилизации политического могущества и престижа государственной власти Грузии. В силу этого грузинское государство не смогло оказать сопротивление напору осетия. Двалетия в значительной мере была предоставлена самой себе так же, как и ряд других провинций Грузии. Тем самым облегчалась частью осетинизация двалов, а частью их вытеснение из родных ущелий. Тогда должен был начаться и переход двалов с северных склонов хребта на южные и спускание с южных склонов в низины Картли и Имерети.

Наконец, уже в эпоху непосредственно предшествовавшую Вахушти Багратиони, в эпоху XV—XVII вв. вероятно под давлением монголов, феодальной Кабарды, неурожая и голода в конце XVI столетия и естественного роста населения, осетины постепенно распространились и по южным склонам центрального Кавказа. Что осетины заселив Двалетию заняли по отношению к двалам господствующее положение, это совершенно определено явствует из описания Вахушти современного ему населения Двалетии.

Помимо уже сказанного и цитированного, Вахушти это описание сопровождает замечанием «они знают роды и более знатные родом являются осетины... а двалы являются родом низшими»³⁴. Еще в бытность Вахушти в Грузии, в I-ой четверти XVIII столетия, ощущалась разница между двалами и осетинами. Она выражалась в некоторой разности культуры — религии и социального положения³⁵, хотя из описания Вахушти видно, что I-ая четверть XVIII в. это момент, когда уже была завершена окончательная ассимиляция двалов осетинами и налично была уже общность ряда важнейших черт.

Таким образом на протяжении всей истории племени двалов, на протяжении всего его существования Вахушти различает двалов и осетин, порой даже противопоставляет их друг другу, и лишь применительно к эпохе непосредственно ему предшествующей Вахушти свидетельствует о слиянии части двалов с осетинами в результате занятия территории Двалетии осетинами.

³⁴ „უწყიან გვარნი და უწარჩინებულესნი გვარითა არიან ოსენი... არაჲმდ დვალი უმდაბლესნი არიან გვარითა“. ვახუშტი, цит. соч., 1941, стр. 110—111.

³⁵ Там же, стр. 107, 110.

возобладания осетин над двалами и ассимиляции первыми вторых.

* *

Следует обратить внимание еще на один факт.

Как видно из «Описания царства Грузинского» Вахушти Багратиони хорошо осведомлен о внутреннем племенном и родовом дроблении осетин; он знает различные ущелья Осетии и различные осетинские роды, знает все их местные названия и вместе с тем он их объединяет единым этническим термином — «осетины»; следовательно он считает их всех одной народностью. Также и территория перечисленных ущелий, от Чими до Басиани, несмотря на множество частных названий, носит у него и единое общее название — «Осетия».

У него нет нигде противопоставления или параллельного упоминания в одном ряду терминов «дигорцы» и «осетины», «Дигория» и «Осетия» или «тагауры» и «осетины», «Тагаурия» и «Осетия».

Вахушти употребляет термины «Дигория», «Тагаурия» и др., как части «Осетии».

Называя осетинские роды, он, например, дигорские фамилии перечисляет наравне с другими осетинскими фамилиями в одном ряду³⁶.

В общем, соотношение между понятиями «Дигория» и «Тагаурия», с одной стороны, и «Осетия», с другой, — таково как соотношение между частью и целым. Термин «Осетины» является для Вахушти общим собирательным понятием для данной этнической общности, тогда как «дигорцы» или «тагаурцы» понятиями родоплеменного масштаба внутри этой этнической общности.

Совершенно иначе представлено соотношение между понятиями — терминами «Двалетия» и «Осетия», «двалы» и «осетины» при описании древнейшей эпохи.

Он систематически противопоставляет или упоминает в одном ряду, параллельно, как различные этнические понятия равной категории имена «двалы» и «осетины». Примеров этому достаточно в уже приведенных выше выдержках³⁷.

В перечне древних осетинских фамилий (на стр. 107) не названо ни одной двальской (или двалетской) фамилии.

Возникает вопрос, почему Вахушти, а заодно и другие грузинские литературно-исторические источники, несмотря на отсутствие единой социально-политической организации у населения от Чими до Басиани, несмотря на наличие значительно раз-

³⁶ ვახუშტი, цит. соч., 1941, стр. 107.

³⁷ „გარნა თუ განდიდნეს ანუ განმდიდრეს ოსი ანუ დვალი, ანუ შეირთავს ორ სამს ცოლსა, ანუ აღაგებს კოშკსა...“ там же, стр. 111.

нящихся диалектов (дигорский и иронский), и деления на общества по ущельям, называют их все же одним общим этническим именем «Осетины», но в это понятие — одновременно не включают двалов? Почему нет противопоставления дигорцев и осетин и одновременно есть противопоставление двалов и осетин?

Если бы двалы признавались Вахушти Багратионом осетинским племенем, тогда в его описаниях территории и населения центральной части Кавказского хребта понятие «осетин» должно было бы покрывать собою и вмещать в себя понятие «двал». Но этого нет в описаниях Вахушти Багратиони. Этот факт может быть понят только как выражение представления, что двалы не есть осетины, что двалы особая этническая общность.

Наконец, в отношении современной себе эпохи Вахушти включает Двалетию в описание Осетии; Двалетия представлена в позднейшую эпоху частью Осетии, но тем не менее Вахушти продолжает употреблять этноним «двалы» параллельно с этнонимом «осетины». Следовательно, ко времени Вахушти историческая традиция различения двалов от осетин не была еще изжита, хотя территория двалов была уже занята осетинами и Двалетия причислялась этнографически к Осетии.

*
* *

Специального разъяснения требует одно место географии Вахушти, которое, вероятно, и дало собственно повод к неправильному толкованию взгляда Вахушти об этнической принадлежности двалов. Вот это место: В главе «Описание теперешней Осетии или внутреннего Кавказа» после описания всех ущелий Двалетии: Кассри, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Тусо он включает «ущелья эти, которые мы описали, совместно с Магран-Двалети составляют Двалетию; и ныне жители Большой Лиахви, Малой Лиахви, Ксанского ущелья и Кударо суть двалы же, переселившиеся из этой Двалетии (т. е. из ущелий Кассри, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Тусо.—В. Г.) верой, обычаями и нравами одни и теперь еще родственные между собой»³⁸.

Если взять эту цитату изолированно, то из нее непосредственно следует, что по Вахушти южные осетины есть двалы и это звучит противоречием вышецитированному из трудов Вахушти, противоречием всему вышесказанному.

³⁸ „ჰეობანი ესენი, რომელნი აღწერეთ მდარანდვალეთითურთ, არიან დვალეთი. და კვალად დიდის-ლიახვისა, პატარა-ლიახვისა, ქსნისწყვისა და კუდაროს მოსახლენიცა არიან დვალნივე, ამ დვალეთიდან გარდასულნი, სჯულთა, წესითა და ზნითა ერთნი და დღესაც მონათესავენი ურთიერთთა“. там же, стр. 115.

Но разберемся в высказываниях Вахушти внимательнее и возьмем его повествование связно.

О каком населении собственно здесь речь и как понять, что они названы двалами? Проверка географии Вахушти в различных направлениях привела меня к выводу, что в данном месте Вахушти разумел современных ему (выражение «и ныне жители... суть») осетин живущих по ущельям Ксани—Лиахви—Кударо и упомянутых им много раз, при описании Картли и Имеретии (Рача). Описывая Картли он по порядку касается Ксанского ущелья, Колоти — Квиткири, Мал. Лиахви, Магран-Двалетии и в ряде случаев говоря о наличном населении называет «осетины» или «осетины, двалы»³⁹. В заключении описания этих ущелий Вахушти говорит: «Но скольких осетин мы называли в этих местах, (там) первоначально жили оказывається грузины крестьяне. После их владетелями (патронами) были переселены сюда осетины, а грузины спустились на низменности, потому что от врагов сократились жители (мужчины). Но об обычаях этих осетин напишем в своем месте, в описании Осетии»⁴⁰. (к. н. — В. Г.).

Так, из ущелий Ксани-Лиахви много грузин-крестьян переселились на низменность Картли, а на их места поселились осетины. О нравах и обычаях этих осетин Вахушти на этой странице ничего не говорит, обещая это сделать при описании Осетии. После этого на страницах 106—116 (издание 1941 г.), помещена глава «Описание теперешней Осетии или внутреннего Кавказа», в которой он должен выполнить обещанное на стр. 71. Дав описание населения, его истории, нравов, обычаев и т. д., он переходит к описанию местностей Чими, Тагаури, Куртаули, Балагир-Пайкоме, а затем и к описанию ущелий Двалетии (Кассара, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Тусо). Описание Двалетии Вахушти включает цитированной⁴¹ уже нами фразой, что «и ныне жители Большой Лиахви, Малой Лиахви, Ксанского ущелья и Кударо суть двалы же, переселившиеся из этой Два-

³⁹ ვახუშტი, там же, стр. 69—71.

⁴⁰ „ხოლო რაოდენნი ოსნი დავწერეთ ამ ადგილთა შინა, პირველად სახლებულან ქართველნი გლეხნი, შემდგომად მეპატრონეთა მათთაგან გარდმოსახლებულან ოსნი, და ქართველნი ბართა შინა ჩამოსულან, ვინადგან მტერთაგან ბარს შინა კაცნი შემცირებულან. არამედ ჩვეულებასა ამ ოსთასა დავწერეთ მის ადგილს, ოსეთის აღწერასა შინა“. там же, стр. 71.

⁴¹ Там же, стр. 115

летии (т. е. из ущелий Касри, Жгеле, Зрамага, Нара, Заха, Трусо.—В. Г.) верой, обычаями и нравами одни и теперь еще родственные между собой». Этой фразой Вахушти указывает на общность веры, обычаев и нравов современного ему населения Ксани—Лиахви—Кударо с населением «теперешней Осетии или внутреннего Кавказа». Тем самым он распространяет все ранее⁴² сказанное о нравах и обычаях осетин и на переселившихся на юг двалетских осетин и обещание, данное Вахуштием на стр. 71 оказывается выполненным.

Поставив цитату со стр. 115 в связь с цитатой стр. 71, повествование Вахушти приобретает единый смысл и логическую последовательность.

Но почему же Вахушти осетин, переселившихся на юг, называет в одном данном случае «двалами»? Главное разъясняет здесь же сам Вахушти «жители (Ксани—Лиахви—Кударо — В. Г.) суть двалы, переселившиеся из этой Двалетии» (с севера, к. н. — В. Г.), т. е. они названы двалами потому, что переселенцы из Двалетии. Кроме того, ведь и в самой осетинизированной Двалетии еще называли незнатную часть населения двалами, и переселенцы если и не все, то в значительной своей части должны были быть незнатными.

Следовательно, из Двалетии на юг переселились не природные двалы, а осетины или осетинизированные двалы.

Этим должно быть объясняется тот факт, что Вахушти население ущелий Б. Лиахви и Трусо называет одновременно двумя этнонимами «осетины, двалы»⁴³.

Таким образом, Вахушти знает, что южные осетины пришли с севера, из Двалетии; переселилась менее знатная часть и потому называет их одновременно и двалами и осетинами. Подмена одного этнонима другим (этнонима «осетины» этнонимом «двали») вовсе не означает изначального тождества осетин и двалов, а показатель их общности, возникшей лишь в последние века. Что это лишь вновь возникшая общность отражена у Вахушти четко и в топонимике.

Применительно к эпохе Уобоса—Хазар он выразился так «внутренность Кавказа—Двалетия», а применительно к современной себе эпохе Вахушти в ряде случаев употребил выражения «теперешняя Осетия или внутренний Кавказ»⁴⁴. «Двалетия или теперешняя Осетия»⁴⁵ и др. Указывает на это Вахушти и

⁴² Там же, стр. 109—112.

⁴³ Там же, стр. 66, 78.

⁴⁴ ზ ა ნ ზ უ შ ი, აღწერა სამეფოს საქართველოს, 1941, стр. 100.

⁴⁵ Там же, стр. 173.

в повествовании о разгроме осетин монголами и отступлении осетин вглубь Кавказа.

В итоге мы приходим к выводу, что и цитата со стр. 115 по существу не может служить основанием для отождествления древних средневековых двалов с осетинами.

Итак в последние века позднего средневековья на южных склонах центрального Кавказа положение по Вахушти рисуется нам следующим образом: с территории Ксани—Лиахвских ущелий много грузин-крестьян переселилось в низменность Картли, а на их селища, в ущельях Ксани—Лиахви, пришли из-за хребта двалетские осетины и осетинизированные двалы. Этот вновь появившийся этнический элемент в значительной своей части является Nachkommenschaft средневековых двалов, но по языку и нравам обосетинившимся.

Считаю, что приведенные выдержки из историко-географического труда Вахушти Багратиони дают вполне достаточное основание, чтобы сделать следующее резюме: по Вахушти Багратиони, во-первых, двалы не осетины и не осетинского племени, двалы особая народность, своеобразное коренное кавказское племя, родственное дзурдзукам, т. е. чечено-ингушам, с которыми они первоначально непосредственно и граничили в Дарьяльском ущелье.

Во-вторых, Двалетия в основном находилась на север от Главного Кавказского хребта; она простиралась с востока на запад от р. Терека до Басиани, по параллели, и с юга на север от Главного Кавказского хребта до Кабарды, в ее границах XVIII в., по меридиану.

В-третьих, Двалетия (южнее Кассарской теснины) с древнейших времен до монгольского нашествия входила в состав грузинского государства и двалы в некоторой части слились с грузинским народом. Позже Двалетию занимают осетины, теснимые, в свою очередь, с севера монголами.

В-четвертых, двалы частью вошли в состав осетинской народности в процессе ее конституирования, частью же в последующие эпохи, в результате внедрения осетин в ущелья Кавказа и возобладания их над двалами.

В-пятых, значительно позже, после монгольского ига и катастрофических опустошений Картли двалетские осетины и осетинизированные двалы начинают селиться по ущельям Ксани—Лиахви — Кударо.

ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ О ЯЗЫКЕ ДВАЛОВ

В историко-географическом труде Вахушти Багратиони содержится одно сообщение привлекающее еще ранее внимание исследователей (Ахвледиани, Гвритишвили) и важное для этнической характеристики двалов.

Хотя мысль автора и выражена не вполне четко и оставляет место для некоторого двусмыслия, тем не менее оно заслуживает внимания, так как касается важного вопроса — вопроса языка двалов.

Вахушти Багратиони говоря о населении «теперешней Осетии или внутреннего Кавказа», т. е. Двалетии пишет: «язык они имеют старый, двальский, а ныне говорят осетинским собственным (собственно осетинским), так как язык черкесов иной»⁴⁶.

Одно несомненно, что Вахушти здесь говорит о языковом различии двалов и осетин. Подчеркивается, что это высокогорное население, двалы, прежде говорило на отличном двальском языке, а ныне — в начале XVIII века — говорит уже на осетинском, т. е. в языковом отношении ассимилировано осетинами.

Что Вахушти Багратиони здесь свидетельствует о различии двальского и осетинского языков, это несомненно и вполне ясно; но вопрос — какова степень этого различия и что представлял собою этот «старый двальский» язык? К какой группе языков следует его отнести по генетической классификации языков?

По поводу этого свидетельства Вахушти Багратиони еще в 1941 г. акад. Ахвледиани заключал так: «Это означает, по нашему мнению, что двалы говорящие на довольно-таки отличном диалекте (а не на другом языке, сравн. «язык черкесов иной») усваивают иронский диалект («собственно осетинский»)»⁴⁷.

Акад. Ахвледиани, видимо, считает, что Вахушти Багратиони «собственно осетинский» и «старый двальский» в равной мере противопоставляет черкесскому языку и из этого заключает, что «старый двальский», и «собственно осетинский» Вахушти Багратиони считал «довольно-таки отличными диалектами» одного языка.

При таком толковании фразы Вахушти Багратиони она представляется внутренне алогичной; остается непонятным для чего собственно понадобилось Вахушти Багратиони упоминать черкесский язык.

Иначе трактует это место проф. Гврителишвили.

Гврителишвили также по отношению к черкесскому пытается объяснить соотношение между «старым двальским» и «собственно осетинским». Гврителишвили склонен считать двальский язык

⁴⁶ „ენა აქეთ ძველი, დვალური და აწ უბნობენ ოსურსა საკუთრად, ვინათგან ჩერქესთა ენა სხვა არის“. Там же, стр. 110.

⁴⁷ „ეს იმას მოწმობს, ჩვენი აზრით, რომ დვალები საკმაოდ განსხვავებულ დიალექტზე (და არა სხვა ენაზე, შეად. „ჩერქესული ენა სხვა არის“) მოლაპარაკენ ითვისებენ ირონულ დიალექტს („ოსურსა საკუთრად“). გ. ახვლედიანი, ისტორიული ცნობა დვალეთისა და დვალების შესახებ. ენიმის მთაზე, ტ. X, 1941, стр. 195.

черкесским. Он пишет: «На основании сего сообщения говорить можно лишь о том, что: а)... б) двалы имеют самостоятельный язык, старый двальский, но во времена Вахушти («ныне») двалы говорят на осетинском языке (или осетинский считают своим?); г) старый двальский язык, в понимании Вахушти, не есть осетинский язык, он (двальский язык) принадлежит к семье черкесских языков»⁴⁸.

Мы считаем, что для такого толкования текста Вахушти нет достаточного основания в труде самого Вахушти Багратиони; а фраза Вахушти Багратиони следующая в его труде за уже цитированным сообщением прямо противоречит такому пониманию.

Вахушти Багратиони пишет далее так: «некоторые из главарей и ходоков в Картли и в Рачу знают грузинский (язык. — В. Г.), а ходоки в Черкесию знают черкесский и татарский джатарский»⁴⁹.

Указание на то, что «некоторые главари... ходоки в Черкесию знают черкесский» означает, конечно, что для массы двалов черкесский язык был незнаком и непонятен; поэтому старый двальский не может быть признан черкесским языком.

Конечно, при сопоставлении двух языков, двальского и осетинского, упоминание третьего черкесского имеет смысл дать ориентир для более точного размежевания двальского и осетинского. Но помимо этого важным является и прямое определение самих этих двух языков.

Двальский язык определен как «старый двальский»; под этим разумеется язык двалов до заселения Двалетии осетинами, как это правильно признают и более ранние исследователи этого вопроса — Ахвледиани, Гврителишвили; «старый двальский» т. е. язык на котором говорили двалы до их ассимиляции осетинами.

Сложнее с определением осетинского языка: почему он назван «собственно осетинским», почему добавлено слово «собственно»? Мы считаем, что ключ к правильному пониманию такого определения, такой дефиниции дает нам обстоятельство упо-

⁴⁸ „ამ ცნობის მიხედვით ლაპარაკი მხოლოდ იმის შესახებ შეიძლება, რომ: ა) ... ბ) დვალებს აქეთ დამოუკიდებელი ენა ძველი დვალური, მაგრამ ვახუშტის დროს („აწ“) დვალები თაურ ენაზე ლაპარაკობდნენ (თუ ოსურს სთვლიან თავიად?), გ) დვალური ძველი ენა, ვახუშტის გაგებით, არ არის ოსური ენა, იგი (დვალური ენა) ჩერქესულ ენათა ოჯახს ეკუთვნის“.

დ. გვრიტიშვილი. დვალთა ვინაობისა და ოსთა ჩამოსახლების საკითხისათვის. „მომზადებული“, 1, 1949, стр. 113—114.

⁴⁹ „ვეფთხთა მოთავეთა და ქართლს და რაჭას მსვლელობა უწყიან ქართულნი, ხოლო ჩერქესთა შინა მსვლელობა უწყიან ჩერქესული და თათრული ჯალათანი“.

ვახუშტი, Цитир. соч., 1941, стр. 110.

мянутое у Вахушти Багратиони несколько раньше: что прежнюю Осетию заняли черкесы, а осетины внедрились вглубь Кавказских гор; и с тех пор называется Осетия Черкесией, а внутренняя область Кавказа — Осетией. Мы понимаем фразу о языках «старом двальском», «собственно осетинском» и черкесском с оглядкой на это сообщение Вахушти Багратиони о переименовании прежней Осетии в Черкессию. Это переименование и изменения на Северном Кавказе, за свежестью этих событий могли вызвать в грузинском обществе двойственное понимание терминов: «Осетия» и «Осетинский».

Если бы было написано просто «осетинский язык», то под этим выражением можно было понимать: 1) и собственно осетинский язык и 2) черкесский язык, который занял территорию осетинского и по традиционным представлениям о территориальном распространении языков мог тоже называться «осетинским языком»; или, наконец, вследствие преобладания и господства черкесов над осетинами под осетинским опять-таки можно было разуместь черкесский язык.

Выражение «собственно осетинский», видимо, должно служить указанием для предупреждения смешения его с черкесским. При таком понимании вполне логичным является и окончание всей фразы придаточным предложением — «так как черкесский язык иной».

Итак фразу Вахушти Багратиони о языках мы понимаем так: двалы имеют язык старый двальский, а ныне говорят собственно осетинским, который не есть черкесский язык.

Таким образом, Вахушти Багратиони различает и противопоставляет двальский и осетинский языки; но черкесский здесь не может служить для определения степени различия между ними; черкесский служит лишь для уточнения понятия «осетинский язык».

О степени различия между старо-двальским и собственно осетинским мы судим по другим высказываниям Вахушти Багратиони. А именно:

1. Вахушти Багратиони описывает и иронцев и дигорцев в равной мере под общим наименованием осетин; ущелья занимаемые иронами и занимаемые дигорцами в равной мере являются по Вахушти Осетией; он не делает различия между дигорцами и иронами и в языке; считает их носителями одной речи, одного языка — осетинского. То есть ни этнически, ни территориально, ни лингвистически Вахушти Багратиони не размежевывает иронцев и дигорцев.

А двалов и осетин Вахушти Багратиони размежевывает во всех отношениях — и территориально, и социально, и культурно, и этнически, наконец, и по языку. Это соотношение (обобщение и объединение иронов и дигорцев, с одной стороны и их

совместное противопоставление двалам, с другой), зафиксированное у Вахушти Багратиони, дает достаточное основание заключить, что по представлению Вахушти Багратиони в языковом отношении между осетинами (ирон-дигорцами) и двалами было больше различия чем между иронами и дигорцами, что двальский язык стоит дальше от иронского, чем дигорский диалект. С этим вполне согласуется и соображение логического порядка: раз Вахушти Багратиони нашел нужным указать на смену языков, на замену двальского осетинским, следовательно, по его представлениям, между этими языками была существенная разница.

2. Чтобы определить представления Вахушти Багратиони о соотношении осетинского и двальского языков, проверим еще как представляет себе Вахушти Багратиони соотношение между собой разных диалектов и языков Грузии и внутреннего Кавказа.

Так про имеретин и гурийцев, пшавов и хевсуров он пишет, что язык у них общий с грузинами⁵⁰, что они «грузинского же языка, а не другого»⁵¹; мегрелы — «по языку большие и знатные грузинского языка, но имеют и свой язык, однако испорченный грузинский же»⁵².

Чаны «по вере ныне полностью магометане, однако кое-кто немногие встречаются христиане, но еще знают некоторые грузинский язык»⁵³.

О сванах сказано «язык имеют свой собственный, но знают и грузинский»⁵⁴, и абхазцы также «язык собственный свой имеют, но знают знатные грузинский»⁵⁵.

Из этих заметок Вахушти Багратиони видно, что несмотря на диалектные различия он не только имеретинский, гурийский, пшавский, хевсурский диалекты, но и мегрельский и чанский причислял к грузинскому языку; хотя относительно большая отдаленность мегрельского от грузинского им отмечена и только

⁵⁰ про имеретин — „სარწმუნოებითა და ენითა არიან ქართველთა თნა“, აღმსარებელნი, არამედ უცვლელად მოუბარნი“, там же, стр. 146.

про пшаво-хевсур — „არიან ესენი სარწმუნოებითა და ენითა ქართულთა“, там же, стр. 92.

⁵¹ про гурийцев — „ქართულისავე ენისანი და არა სხვისა“, там же, стр. 176.

⁵² ენით არიან — დიდნი და წარჩინებულნი ქართულის ენითა, არამედ აქუსთ თვისცა ენა, გარნა წამდარი ქართულივე“, там же, стр. 170.

⁵³ სარწმუნოებით ან სრულიად მოჰმადიანნი, გარნა მცირედნი ვინმე მოიპოვებინ ქრისტიანენი არამედ იციან კვალად ქართული ენა ვიეთთამე“, там же, стр. 142.

⁵⁴ ენა თვისი აქუსთ საკუთარი, გარნა უწყიან ქართულიცა“, там же, стр. 173.

⁵⁵ „ენა საკუთარი თვისი აქუსთ, არამედ უწყიან წარჩინებულთა ქართული“, там же, стр. 172.

сванский и абхазский он признает особыми, самостоятельными, по отношению к грузинскому, языками.

Описывая и характеризуя население нескольких ущелий к востоку от р. Терека, а именно Кистинов, Галгаевцев и Дзурдзуков он уподобляет их по нравам, обычаям, религии осетинам, однако добавляет «но имеют язык свой собственный»⁵⁶.

На этом примере опять-таки видно, что Вахушти Багратиони несмотря на некоторые различия понимал этническую и языковую общность разных родственных племен; диалектальные различия не скрыли от него общность основы языка, и он признает, вполне правомерно, различные диалекты Кистин-Галгаевцев-Дзурдзуков одним языком.

К этому же языку относит он и часть тушин. Тушины, «которые находятся в областях — краях кистин и галгаевцев знают больше их языки. Но жители Парсманского ущелья, являясь кистинами, по вере и языку смешаны»⁵⁷.

Таким образом, у Вахушти Багратиони нет выражения «гурийский» или «имеретинский язык», даже мегрельский он называет «испорченным грузинским языком»; так же речь Кистин, Галгаевцев, Дзурдзуков он объединяет в один язык и к ним же относит по языку цова-тушин; нет также у Вахушти Багратиони «дигорского» или «тагаурского языка», а есть лишь общий осетинский язык. Следовательно, различия диалектов и наречий он игнорирует.

Из приведенных выше примеров употребления Вахушти Багратиони выражения «язык» мы видим, что «языком» он обозначает не наречия и диалекты, а языки, признаваемые лингвистикой, самостоятельными языками. И если при этом Вахушти Багратиони называет старый двальский язык особым языком, это убеждает нас в том, что старый двальский язык не был диалектом осетинского или черкесского языков; что старый двальский был самостоятельным языком.

Конечно, это не означает категорического отрицания его родства с соседними языками — черкесским, осетинским, баббийско-кистинским, картвельскими. Мы допускаем и даже предполагаем его родственность какому-либо соседнему языку — баббийско-кистинскому, осетинскому, черкесскому или картвельскому; но имеющиеся у Вахушти Багратиони данные не дают основания связать его генетически с каким-либо одним конкретным известным языком или судить о степени родственности.

⁵⁶ „აზამედ აქუსთ ენა თვისი საკუთარი“, там же, стр. 119.

⁵⁷ „ხოლო რომელნი არიან მხარეთა ქისტთა და ღლიღთა, უწყებან ენანი უფროს მათნი. გარნა ფარსმანის ხევისანი სარუმუნებით და ენით შერეულნი არიან, ვითარცა ქისტნი“... там же, стр. 105.

Данные содержащиеся у Вахушти Багратиони дают основание утверждать только то, что старо-двальский язык был настолько своеобразен и отличен от всех окружающих его языков, что являлся не диалектом одного из них, а самостоятельным языком.

3. СВИДЕТЕЛЬСТВА АНТИЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ О ДВАЛАХ

Для обоснованных суждений о древних двалах и определения их этнического характера важно выявить наиболее ранее их упоминание и проанализировать содержание этого самого раннего свидетельства.

Самым ранним упоминанием двалов в грузинских письменных памятниках следует считать упоминание двалетских ворот (т. е. горных проходов) в «Обращении Картли» «მცხეთის ქალაქი» VIII—IX вв.

Наиболее ранний армянский письменный памятник, в котором упомянуты двалы в форме «дуалк» — это анонимная география VII в. «Двалетские горные проходы» и «дуалы» локализованы в высокогорной зоне Центрального Кавказа и разумеют наличие там особой этнической единицы. Более раннее упоминание Двалетии и двалов в грузинской и армянской исторической литературе неизвестно. Но VII—IX вв. н. э. очень поздняя эпоха для двалов, причисленных Вахушти Багратионом к абorigенам Кавказа. Естественно попытаться обнаружить более раннее свидетельство о двалах и Двалетии в более древних, чем грузино-армянские, письменных источниках, содержащих описание Кавказа. Таким, намного более древним письменным источником о Кавказе является античная (греко-римская) историко-географическая литература. К ней мы и обратились.

Из писателей античного мира по вопросу двалов в первую очередь следует назвать Плиния Секунда писателя I в. н. э. (24—79 гг.) и Клавдия Птолемея знаменитого географа середины II века н. э.

У обоих этих писателей упоминаются такие этнонимы: «Талы (Thalos)», «Валлы (Valli)», «Уалы (Ὀύλοι)» и их живые носители. Учитывая представленную у самих же этих писателей локализацию этих имен, мы считаем возможным отождествить их с племенным именем «Двали» грузинских хроник и летописей.

Разберемся в сведениях упомянутых античных писателей ближе. Начнем с более древнего источника.

Плиний Секунд в своей высокоценимой энциклопедии «Естественная История» пишет: «В тылу его (города—Питиун-

та. — В. Г.) в Кавказских горах живет сарматский народ Епагериты, а за ним — Савроматы. К последним бежал Митридат (Боспорский, начало 40-х годов I в. н. э. — В. Г.) при императоре Клавдии, он рассказывал, что в соседстве с ними (Кавказскими савроматами — В. Г.) живут Талы (Thalos), которые с востока доходят до устья Каспийского моря, и что устье высыхает во время морского отлива¹.

В этом эскизном тексте важно: 1. Упоминание племенного имени Тал — Thalos и 2. Определение его местонахождения.

Этническое имя Тал — Thalos своим общим обликом напоминает осетинское «Туал» равнозначное грузинскому «Двал». Помня, что Митридат жил и слышал это имя «Тал» от западного северо-кавказского племени (может быть даже от ираноязычного племени), то вполне логично видеть в имени «Тал» форму идентичную осетинскому «Туал», являющегося в свою очередь параллелью грузинской формы этнонима «Двали».

Замечательно, что у Плиния сохраняется даже такая фонетическая тонкость, как придыхательное Т-Th, точно соответствующее осетинской форме «Туал» — თუალ. Отсутствие гласного «у» в имени «Тал» в сравнении с осетинским «Туал» не мешает отождествлению Тал-Туал, ибо у античных писателей неоднократно случаи выпадения отдельных гласных: Соан-Суан и Сан, Амодоки—Имадохи и Модохи, Инапей и Напей.

Затем, Митридат мог встретиться и сообщить Плинию эти сведения проживая в Риме, т. е. много позже того, как он жил в соседстве талов и после ряда важных событий в его личной жизни. Естественно, что он мог передать Плинию имя племени не совсем точно, мог пропустить гласную «у», сохраняя однако общий облик и форму верно.

Разумеется отождествление на основании только фонетических соображений мало убедительно если оно не будет подкреплено другими объективными данными. Такие данные есть.

Приведенная цитата содержит еще данные, локализирующие этноним «Тал». Эта локализация является важным обстоятельством, подкрепляющим наше убеждение в тождественности Тал-Туал-Двал. Конечно, нет оснований ожидать от Митридата точного указания границ расселения племени талов, так как географическая наука в то время была далека от точности своих понятий и данных, часто имело место значительное несоответствие между географическим представлением и действительностью; и данных, говорящих за то, что Митридат сам посетил территорию

¹ В. В. Латышев, Известия др. писат. греч. и латин. о Скифии и Кавказе, т. 2, в. 1, СПб, 1904, стр. 180.

талов нет. Поэтому представленная у Плиния Секунда локализация племени талов может быть признана лишь приблизительной, как дающая только общее направление — ориентир местонахождения племени талов. Плиний указывает на территорию между западной частью Кавказского хребта («в тылу Пятиунта») и Каспийским морем.

Чтобы более уточнить локализацию талов следует использовать и другие данные, сообщаемые Плинием о Кавказе, и затем действовать методом исключения. В частности мы находим у Плиния специальное описание побережья Каспийского моря², однако среди населяющих его племен талы не упомянуты. Следовательно территория талов до побережья Каспия не доходила³. Главный хребет большого Кавказа и населяющие его племена также специально рассмотрены Плинием⁴, причем талы здесь также не упомянуты: следовательно территория талов разумеется Плинием где-то севернее хребта, т. е. в предгорьях и равнине Северного Кавказа.

С запада terminus post quem пог— предельной границей территории талов является территория сармато-савроматских племен западного Северного Кавказа; если судить по меридиану — то западная граница талов проходила где-то восточнее Пятиунта. Непосредственно определить северную границу талов невозможно. Здесь руководствоваться можно тем соображением, во-первых, что раз «талы» не упоминаются (другими писателями) часто, это означает, что они не были большим племенем и не занимали большой площади; во-вторых, что они упоминаются в пределах Северного Кавказа, в соседстве с горными племенами Северного Кавказа. Следовательно, территория занимаемая талами не могла простирается далеко на север от Главного Кавказского хребта и северную границу талов следует разуместь проходящей где-то по северо-кавказской равнине, непосредственно примыкающей к северным отрогам Главного Кавказского хребта.

² В. В. Латышев, цит. соч. стр. 184.

³ Это подтверждается и компиляцией Юлия Солина (1 половина III века н. э.), который так передает соответствующее место из «Естественной Истории» Плиния С. «талы граничат с теми племенами, которые на востоке достигают устьев Каспийского моря» (Латышев—цит. соч., 2 том, 2 вып. 278 стр.). Поскольку племена побережья Каспия были кочующими, есть основание предполагать, что они занимали широкое пространство и следовательно территория талов находилась много западнее берега Каспийского моря.

⁴ В. В. Латышев, там же, стр. 182.

Таким образом местонахождение племени талов представляется так: по равнине и предгорьям Северного Кавказа от западно-кавказских племен, у которых находился Митридат, к востоку — в сторону побережья Каспия, не доходя однако до самого берега моря, до племен населявших самый берег моря.

Короче, согласно общего контекста сведений Плиния С. о Северном Кавказе, территорию талов следует разуместь где-то в средней полосе Северного Кавказа.

Если вспомнить данное Вахушти Багратионом определение территории занятой этнархом двалов — Кавкасосом «Кавкасос занял страну от границ Лекана до Понтийского моря, север горы Кавказа со степью» (к. н. — В. Г.)⁵, или определение территории Двалетии «имеет длину Двалети от Зекарского Кавказа до Черкез» (к. н. — В. Г.)⁶, то станет несомненным, что территория талов по Плинию частью совпадает, частью является смежной с территорией двалов, указанной Вахушти Багратионом. После этого уже отождествление талов с туал-двалами представляется нам допустимым.

В «Естественной Истории» Плиния С. есть еще одно место заслуживающее серьезного внимания в интересах исследуемого нами вопроса. Плиний пишет: «Начиная от границ Албании, по всему челу гор (Главного Кавказского хребта. — В. Г.) живут дикие племена сильвов, а ниже — Лупенин, затем Дидуры и Соды... От⁷ Кавказских ворот в Гурдийских горах живут Валлы (Valli) и свавы⁸, племена незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках»⁹.

Немного дальше, говоря о «Кавказских воротах», Плиний упоминает «присланные оттуда ситуационные карты»¹⁰. Следовательно, Плиний С. располагал для центральной части Кавказского хребта военными «ситуационными картами». Тем самым его сведения в данном пункте заслуживают особого доверия.

Приведенная выдержка содержит интересное для нас сообщение, что на Запад от Дарьяльского ущелья («Кавказских ворот») по отрогам Кавказского хребта в 1 в. н. э. жило племя «валлов» — «Valli». Племя валлов локализовано точнее на

⁵ ვახუშტის, საქართველოს გეოგრაფიის, გზამკვლევი, 1842, стр. 424.

⁶ Там же, стр. 444.

⁷ По книге проф. Боднарского «Античная география» это место переведено так: «За Кавказским горным проходом...» (стр. 261).

⁸ Проф. Боднарский (цит. соч.) читает не «свавы», а «сваны» (стр. 261), также и Томашек ем. Paulys—Real—Encyclop., V т., 1231 стр. вместо «свавы» читает сваны—swani.

⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. 2, вып. 1, стр. 182.

¹⁰ Там же, стр. 184.

территории между Дарьялом и сванами, в Гурдийских горах, Поэтому важно уточнить, что соответствовало в натуре Гурдийским горам (montes Gurdinios).

Топонимика территории между Дарьялом и Сванетией предполагает ряд имен с корнем Горд-Гурд-Курт. Самое значительное из них Курт-атское (resp. курт-атинское, კურთათ-უღო ущелье к Северу от Главного хребта и на запад от р. Терека, содержащие к тому же и серебряно-свинцовую руду.

Вполне возможно, что наименование Куртатские — Куртинские в то время распространялось не только на один отрог главного хребта Кавказа, а обнимало более широкую территорию. Во всяком случае и своим местонахождением между Дарьялом и Сванетией и своим наименованием — с корнем Курт — Гурд и содержанием руды — Куртатское ущелье легко отождествимо с Гурдийскими горами Плиния С.

Само этническое имя «Валли» — ассоциируется у нас с этническим именем «Двали». Обращает на себя внимание исключительно точное совпадение локализации. Согласно грузинских хроник потомки Кавкасоса, двалы заняли горные ущелья Кавказа к западу от Дарьяла («Кавказских ворот»); а по Плинию к западу от Дарьяла по ущельям Кавказских гор жили валли.

Общий облик этнонимов (Valli и ვალის) Валли и Двали явно напрашивается на отождествление. Плиний сохранил даже туземное окончание i (Valli) и не видоизменил его на обычные латинские суффиксы os, -us, -es и т. п.

Отсутствие начальной «Д» не может служить препятствием для отождествления имен валли — двали, так как известен ряд случаев параллельного употребления двух вариантов имен для обозначения одних и тех же племен. Например, ореты и тореты (Ορέται и Τορέται), санны и тдзаны (Σαννοί и Τζανός), зиги и зинхи (Σιγίοι и Ζήγχοι) даи и даки, канец и в грузинских памятниках встречается форма урдзуки и дурдзуки (ურბუჯო и დურბუჯო).

Наконец, упоминание Плинием рядом с Валлами племен «Дидуры и Соды» (предположительно Цоры или Цовы), и сванов¹¹ укрепляет убеждение, что под валлами следует разуместь племя двалов.

¹¹ Упоминание Плинием С. сванов в соседстве с двалами является вполне правильным. Предполагать это дает нам основание сообщение Страбона (рубеж старой и новой эр), что на западном Кавказе сваны занимающие вершины Кавказа являются самым могущественным племенем. Следовательно, они могли быть распространены до Мамисонского перевала, т. е. до Двалетии. Это не только домысел и предположение, оно

Сказанное в обоснование тождества талов и туал — двалов не противоречит и вполне согласуется со сказанным относительно тождества валлов и двалов.

Нам представляется так, что талы это те же валли; Тал — Thalos и Валлы — Valli два варианта, две формы имени одного и того же племени, подобно позднейшим туал (осетинская форма) и двал (грузинская форма).

Правда сам Плиний не отмечает тождества талов и валлов; это мы объясняем тем, что Плиний получил сведения о талах из одного источника (через Митридата и Савроматов, живших с запада от двалов), а о валлах из другого источника (ситуационные карты или туземно-грузинский источник, находящийся к югу от двалов); поэтому он не мог их отождествить, не располагая другими дополнительными сведениями и не будучи с ними знакомым непосредственно, тем более, что о территории Северного Кавказа у Плиния С. не могло быть точного представления. Происхождение сведений из двух совершенно различных и друг от друга независимых источников обусловило употребление двух различных форм одного и того же этнонима: а две различные формулировки локализации племени, еще более затемняли вопрос о взаимной связи талов и валлов. В результате Плиний С., очевидно, не подозревал и не понимал общности фонетического содержания имен тал и валл, происходивших от туал—дуал—двал; в одном случае туал перешел в форму тал, а в другом случае двал перешел в форму валл.

На отождествление талов и валлов мы решаемся еще потому, что текстуально различная локализация этих двух имен в

находит себе прямое подтверждение в одном из сванских письменных памятников 1490—1503 гг. (Ингорква—Историч. памятники Сванетии вып. II, 1941 г., стр. 31—34). В нем повествуется о вражде между рачалечхумским князем Джапаридзе и вольными сванами (Мулах-Латар-Ушкульского обществ). По этому документу сваны передали во владение Джапаридзе ряд сел и церквей с их территорией, расположенных до с. Глола, т. е. почти до самого Мамисонского перевала. Следовательно, территория от истоков р. Ингури (общество Ушкуль) до самого Мамисонского перевала, в том числе и верховья р. Риони (с. с. Геби, Чиора до с. Глола), юридически-традиционно считалась сванской—принадлежащей сванам и фактически являлась таковой еще в XV в.

В этом же документе повествуется, что сваны минуя Рачу шли в Кахетию через с. Глола и Двалетию. Итак, Двалетия оказывается действительно сопредельной со сванами. Также знаменательно, что племя валли названо непосредственно за Дарьяльским проходом. Мы вспоминаем, в этой связи, что согласно Вахушти Трус и Хеви некогда были частью Двалетии и были населены двалами. Нет основания это совпадение и согласие в исторических свидетельствах считать случайным.

натуре, фактически не является уже настолько взаимно отдаленной. Талы населяли предгорья и равнины центральной области Северного Кавказа, а валлы населяли северные склоны центральной же части Главного Кавказского хребта. Таким образом территории талов и валлов в действительности оказываются смежными.

Такая смежность территории талов и валлов вполне согласуется с их этнической тождественностью и находит себе точное подтверждение у грузинских летописцев — историков Л. Мровели и Вахушти Багратиони, которые сообщают, что Кавкасос и его потомки, следовательно и двалы, поселились на запад от ущелья р. Терек по горам главного хребта Кавказа и в низменности (см. вышеприведенные цитаты).

Таким образом территория занимаемая по Плинию талами и валлами вместе взятыми та же, что территория занимаемая двалами, согласно преданий сохранных у Л. Мровели и Вахушти Багратиони; и племенные названия «Тал» и «Валли», совместно тождественны грузинскому «Двали».

Следовательно, на основании «Естественной Истории» Плиния можно сделать такое заключение: племя двалов известно было уже в первой половине 1 века н. э. и оно в это время занимало именно ту территорию, которая указана Вахушти Багратиони как первоначальная Двалетия.

Вторым античным источником, упоминающим о двалах, является «Географическое руководство» Клавдия Птолемея. Переходя к описанию азиатской Сарматии Птолемей пишет: «Сарматия (Азиатскую—В. Г.) занимают... (перечень племен по восточному берегу Танаида)... между рекою Ра и Иппийскими горами... (перечень племен)... между Керавнскими горами и рекою Ра — ориеи, уалы (Οὐαλοι) и сербы, а между горою Кавказом и Керавнскими горами — туски и дидуры; вдоль Понта—ахеи, керкеты, инииохи, сваноколки»¹².

Наше внимание привлекло к себе этническое имя Уалы Οὐαλοι. Не подлежит сомнению, что уалы — Οὐαλοι Птолемея фонетически равнозначущее Плиниевскому валли — Valli. Вся разница только в том, что за отсутствием в древне-греческом буквы «в», она заменена у Птолемея гласной «у». Показательно, что Плиний С. восточнее валлов упомянул дидуров и содов, а Птолемей восточнее уалов называет тусков и дидур же.

Руководствуясь теми же соображениями, которые мною высказаны по поводу отождествления имени Валли — Valli Плиния с именем Двали — ღვალთо грузинских летописей, я счи-

¹² В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1., стр. 238—239.

таю и этническое имя Уалы — *Ουαλοι* Птолемея также только вариантом грузинского «Двали». Несомненным кажется мне, что «Уалы — *Ουαλοι*» восходит к «Двали» и генетически с ним связано.

Кроме фонетического созвучия имен двали — валли — уалы, мы имеем и совпадение в локализации этих племенных имен.

Местонахождение уалов Птолемей определяет между р. Ра и Керавнскими горами. Керавнские горы¹³, это Кавказские горы на Восток от горы Казбек, а р. Ра это — Волга или какая-нибудь река южнее, но впадающая также в Каспийское море.

Побережье Каспийского моря описанное Птолемеем немного дальше, оказывается населенным многими разными племенами, среди которых отсутствуют «Ориней, Уалы и Сербы». Это означает, что уалы — *Ουαλοι* не доходили до берега Каспия.

Поскольку после имен ориней, уалы, сербы Птолемей называет племена «туски и дидуры», т. е. туши и дидо, следует полагать, что уалы жили западнее тусков и дидур. Следовательно уалы были значительно отдалены от Каспийского моря.

Из представленного анализа сведений Птолемея вытекает, что уалы — *Ουαλοι* населяли среднюю часть Северо-Кавказской равнины и предгорий. Конечно, эта средняя часть Северного Кавказа тоже пространна, имеет более восточный и более западный край, более южный и более северный, но приходится этим ограничиться, ибо более точная локализация уалов не удается.

Следовательно, локализация уалов Птолемея если и не полностью совпадает то все же близка к локализации талов Плиния и к локализации Плиниевских же валлов.

Общий контекст, формулировки локализаций и формы этнических имен у Плиния одни, а у Птолемея иные: поэтому следует считать Птолемея в данном случае независимым от Плиния С.

Затем, античные писатели могли определить территорию отдаленных, как Северный Кавказ, областей, лишь приблизительно, могли давать только общее направление местонахождения того или иного племени; наконец, Плиний локализовал талов и валлов по параллели с Запада на Восток и обратно, а Птолемей локализовал уалов по меридиану с юга на Север. Вследствие всех этих моментов естественно, что между локализациями Плиния и Птолемея нет точного совпадения.

¹³ Об ошибочной локализации Иппийских и Керавнских гор. Птолемеем — его неверном представлении о Каспийском море и территории Северного Кавказа см. Paulys — Real Encyclop. VIII т. и XXI подтом; см. также проф. Боднарского «Античная география», 1953, стр. 285.

Некоторый разрыв между ними вполне допустим. Этот разрыв незначителен и потому не может явиться препятствием для признания, что в действительности местонахождение уалов Птолемея то же самое, что и местонахождение талов — валлов Плиния.

Таким образом, талы (*Thalos*) и валли (*Valli*) Плиния С, и уалы (*Ουαλοι*) Птолемея должны быть признаны одним и тем же племенем, называемым в грузинских летописях двалами (*დვალელები*); а наличные у Плиния и Птолемея три локализации этих этнонимов в действительности означают одну и ту же территорию или смежные территории, в общем соответствующие территории первоначально занятой двалами согласно Вахушти Багратиони.

Третьим из наиболее ранних античных свидетельств о двалах представляется нам этноним *Divali* обозначенный в т. н. Пейтингеровой таблице или карте Касториуса. Карта именуемая Пейтингеровой таблицей возникла в середине IV в. (по определению К. Миллера в 365 г. н. э.), но составитель пользуясь более ранними источниками, для столь отдаленной области как Кавказ, отражает несомненно еще более раннюю ситуацию.

Правда, по общему признанию Пейтингерова таблица в целом содержит ряд грубых географических ошибок, пространственные соотношения — пропорции вообще нарушены, вследствие специфичности ее формы, и т. д., тем не менее долго глубоко и обстоятельно изучавший эту карту Конрад Миллер признает ее географические данные «не лишенными ценности», признает карту содержащей даже «весьма ценный материал»¹⁴. Учитывая существующее в кругах соответствующих специалистов критическое и осторожное отношение к данным содержащимся в названной карте, мы считаем недопустимым как полное игнорирование ее данных, так и построение только на их основе каких-либо далеко идущих выводов. И мы ограничиваемся, в данном случае, лишь констатацией весьма интересного факта; на

¹⁴ „Der Hauptwert der Ta liegt in dem Material, welches sie als Itinerarium bietet, in den Entfernungszahlen, Namen, der Schreibweise und der Bedeutung der Orte. Die physische und politische Geographie kommt erst in zweiter Linie, doch enthält die Karte auch für diese wertvolles Material, welches noch nicht genügend erkannt ist“.

„Das er (Castorius—B. Г.)... die verschiedenen Länder, Provinzen, Flüsse, Gebirge zur Anschauung bringt, ist eine Beigabe, keineswegs so wertlos, wie gewisse Forscher es hinstellen wollten“... (к. н.—B. Г.) Miller K.—Itineraria Romana, Stuttgart, 1916, стр. XL и XXXIX.

карте середины IV в. н. э. на одной горизонтали (параллели) с аланами, сванами, сарматами и к востоку от них, указано Divali; одновременно, южнее Divali указаны Fl. Cygus, Caspiae, Mons Pauguerdes, Colchi и др. Такое расположение надписей дает нам основание признать, что в Пейтингеровой таблице Divali локализовано в центре Главного Кавказского хребта. Эта локализация Divali соответствует локализации валл — уаллов Плиния С. и Птолемея Кл., а также «двалов» грузинских и армянских источников. Поэтому мы полностью разделяем выраженное Томашеком¹⁵ мнение о тождестве Divali с «двалами».

Таким образом Пейтингерова таблица в унисон со свидетельствами других исторических памятников содержит датированное серединой IV в. н. э. ценное подтверждение наличия двалов в центре Кавказа уже в первых веках новой эры.

Недоумение вызывает встречаемое на этой же карте наименование Divali Musetice, указанное много юго-западнее от наименования Divali. Юго-Западное нахождение надписи Divali Musetice, многозначительный, двусмысленный факт и рождает ряд вопросов, на рассмотрение коих в настоящей работе мы не отваживаемся. Мы тем более воздерживаемся пока от постановки этих вопросов, что это отвлекло бы нас далеко от темы. Во всяком случае наличие Divali Musetice не снижает и не ставит под сомнение значения наличия Divali в центре Кавказа.

Тезис о наличии двалов в центре Северного Кавказа уже с начала I века н. э. увязывается и с общим контекстом исторического процесса заселения Кавказа без всяких натяжек.

Согласно множеству свидетельств античных писателей в начале I в. н. э. и восточная часть главного Кавказского хребта и западная его часть были уже заселены племенами известными на данной территории еще в средние и новые века (восточнее: туски, дидуры, леги, албанцы и др.; западнее: сваны, инхохи, керкеты, зиги и др.). При таком положении, вполне естественно, и центральная часть Главного Кавказского хребта могла быть заселена племенем, которое засвидетельствовано там в средние века, т. е. двалами.

¹⁵ Наличие этнонима Divali в Пейтингеровой таблице отметил еще Томашек в своей статье в Paulys—R.-E. и он же первый правильно отождествил его с грузинским «двали». Но он неверно толкует локализацию Divali в Пейтингеровой Таблице, говоря будто Divali указано в истоках р. Куры.

Как видно из свидетельств Плиния С. и Кл. Птолемея она и была фактически заселена «тал—валл—уалами», т. е. двалами¹⁶.

Вслед за этим возникает вопрос: какие данные можно почерпнуть у Плиния, Птолемея и других античных писателей для определения этнической принадлежности «тал-валл-уалов», — т. е. двалов?

¹⁶ Этот материал был уже мной проработан и вывод о тождестве тал-валл-валл-уал-двал был уже формулирован, когда я столкнулся с фактом, что два самостоятельных научных исследователя высказали еще раньше мысль о тождестве и внутренней связи между этими этническими именами. Я имею в виду Томашека и проф. Мишулина.

Правда, свои мнения они высказали попутно и без специального обоснования; и их положения не так широки как выводы предлагаемой мною работы; все же в ряде пунктов их положения поддерживают выводы, сделанные мною и потому эти положения, как мнение специалистов, заслуживают быть отмеченными.

Переизданный в журнале «Вестник Древн. Истории» сборник Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» проф. Мишулин снабдил подстрочными примечаниями. В этих примечаниях, не вдаваясь в подробный анализ текста, он высказал попутно несколько положений по интересующему нас вопросу. По поводу племени талов (Thalos) проф. Мишулин пишет: «Ближе неизвестны. Их имя должно быть сопоставлено с именем уалов (Ὀὐαλοι), помещаемых Птолемеем на пространстве...» (В. Д. И. № 2 (28), 1949, стр. 292).

По поводу валлов упомянутых также Плинием С. проф. Мишулин пишет, что их «упоминает также Птолемей, называя их уалами (Ὀὐαλοι); он помещает их между Волгой и Кавказом...» (Там же, стр. 299).

А в примечании к тексту Птолемея по поводу уалов (Ὀὐαλοι) Мишулин считает их «кавказской народностью, локализуемой на Северном Кавказе» (В. Д. И. № 2 (24), 1948, стр. 248).

Таким образом проф. Мишулин признает внутреннюю связь и даже тождество между тал-валлами Плиния и уалами Птолемея и признает их кавказской народностью, локализуемой на Северном Кавказе.

Томашек в статье о Двалах пишет: «Дивалы, кавказский народ... Валлов знает Плиний VI, 30 к западу от Кавказских ворот около сванов, как жителей Гордийских гор; Птолемей V, 9, 21 не точно помещает этих Ὀὐαλοι на северной стороне центрального Кавказа, вместо южной стороны» (Paulys—Real-Encyclop., т. V, стр. 1231).

Независимо от несколько другой локализации, принимаемой Томашеком, из приведенной цитаты ясно, что он был убежден в тождестве валлов Плиния и уалов Птолемея с двалами грузинских летописей.

Если проф. Мишулин не сделал вывод и не высказал мысли, как это сделал Томашек, о тождестве тал-валл-уалов с двалами, то это я склонен объяснить только его недостаточной осведомленностью в Кавказской этно-топонимике, что сказывается и на его некоторых других подстрочных примечаниях к изданным текстам.

Античные авторы, перечисляя многочисленные племена Северного Кавказа, Юга России, вдоль Танаида, побережий Мелитиды и Каспия обычно указывают к какой основной группе племен — скифы, сарматы, савроматы, массагеты — принадлежит каждое из них. Когда же в перечне племен встречаются собственно кавказские племена, то такие дополнительные определения опускаются.

В отношении тал—валл—уалов ни Плиний Секунд, ни Птолемей Клавдий ни единым словом не обмолвились о их принадлежности к скифам, сарматам, савроматам и массагетам. Нет никаких прямых или косвенных указаний о их принадлежности к ираноязычным племенам.

Единственное значимое, что мы находим в этом смысле это упоминание в соседстве талов «сарматского народа Епагеритов, а за ним — Савроматов» (Плиний С.). При этом Плиний сообщает, что «сарматы по преданию потомки Мидян»¹⁷, а компилятор «Естественной Истории» Юлий Солин (1 полов. III в. н. э.), добавляет в этой связи, что «савроматы, которые дали убежище Митридату, происходят от Мидян»¹⁸.

Итак есть только предание, что соседнее сарматское или савроматское племя было мидийского происхождения.

То обстоятельство, что Птолемей включил двалов в пределы Азиатской Сарматии не служит показателем этнической принадлежности, так как в пределы Азиатской Сарматии включены им также и туски, дидуры, керкеты, иннохи, сваноколхи, зинхи и другие заведомо кавказские народности. Даже если бы было засвидетельствована принадлежность валов — талов к савроматским племенам и это не решило бы окончательно вопроса, ибо ираноязычные отдельные савроматских племен является весьма сомнительным и спорным.

Таким образом есть только указание на предание о мидийском происхождении западных соседей талов. Конечно, одного предания о соседнем племени совершенно недостаточно, чтобы причислить и тал—двалов к ираноязычным племенам, независимо от степени достоверности этого предания.

К сожалению, приходится признать, что античные источники мало обнадеживающи для решения вопроса об этнической принадлежности тал—валл—уалов—двалов.

Знакомство с античной историко-географической литературой убеждает, что античные писатели к 1 в. н. э. вообще не могли еще дать обстоятельную и убедительную характеристику отдельных мелких племен Северного Кавказа по их языку и этнографическим признакам.

¹⁷ В. В. Латышев, цит. соч., т. 2, вып. 1, стр. 180.

¹⁸ Там же, т. 2, вып. II, стр. 278.

Все их свидетельства в этой области часто лишены реально-го основания; основаны не на непосредственном знакомстве с фактами и описываемыми объектами, а имеют своим источником домыслы авторов или устные рассказы некомпетентных третьих лиц.

Это откровенно признает неоднократно, например, и Страбон, живший на грани старой и новой эры лично побывавший в Закавказьи. Так он пишет: «Современники наши могут сообщить кое-что достоверное о том, что касается британцев, германцев и народов обитающих по Истру..., а также и народов Кавказских, как например, Албанцев и Иверов»¹⁹ (к. н. — В. Г.) «Неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее, ибо мы не знаем ни Вастарнов, ни Савроматов и вообще никого из живущих выше Понта» (к. н. — В. Г.)²⁰. «Древние эллинские писатели называли все вообще северные народы Скифами и Кельтоскифами... называли Иперборейми, Савроматами и Армиаспами... Саками... Массагетами, не имея возможности сказать о них ничего достоверного... вообще (ни) об этих народах не добыто исследованиями ничего достоверного».. (к. н. — В. Г.)²¹.

Следовательно, о народах «выше (т. е. севернее—В. Г.) «Понта», о «северных странах» и «северных народах», в частности о скифах, савроматах и массагетах ни древними писателями не сказано «ничего достоверного», и, по настоящее Страбону время, «не добыто исследованиями ничего достоверного»; «Современники наши (т. е. Страбона, грань старой и новой эры—В. Г.) могут сообщить кое-что достоверное о том, что касается... народов кавказских, как например, Албанцев и Иверов».

С такими заявлениями авторитетного географа следует серьезно считаться. Оказывается, что о Северо-Кавказских народах Страбон не располагал конкретными достоверными

¹⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1, стр. 102.

²⁰ там же, стр. 109.

²¹ там же, стр. 148—149.

сведениями и кое-что достоверное мог сообщить только об албанцах и иверах.

Поэтому не найдя прямых указаний об этнической принадлежности двалов и будучи вынужденными исследовать вопрос косвенным путем, мы должны сначала идти от известного к неизвестному, т. е. от Закавказских народов и племен к Северо-Кавказским; и с этой стороны найти элементы для определения двалов. Затем эти элементы сопоставить с теми данными о северных народах и племен, которые можно признать за достоверные, и уже после формулировать вывод.

О горцах Кавказа у Страбона есть такие высказывания «мелкие народцы у Кавказа»²², соседние сванам «народцы живущие у Кавказа бедны и малоземельны»²³. «Диоскуриада служит... общим торговым центром для народов живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами»²⁴ (к. н. — В. Г.).

Здесь Страбон, касаясь вообще Кавказских горцев, а именно жителей северной стороны Кавказского хребта, констатирует многоплеменность и многоязычие населения. Отсутствие одного или нескольких больших племен и народностей и дробление населения на мелкие «народцы», конечно, многозначительный факт.

Одновременно он делает оговорку, что «большая часть их (племен—В. Г.) принадлежит к сарматскому племени и все они называются Кавказцами».

Употребление общего имени «Кавказцы» говорит о причислении указанных племен к коренному населению Кавказа. А одновременная принадлежность их к сарматскому племени ничуть этому не противоречит, наоборот даже подкрепляет, так как широко известно, что античные писатели, в том

²² В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1, стр. 135.

²³ Там же, стр. 138.

²⁴ Там же, стр. 136; см. также стр. 147.

числе и Страбон, не имея достоверных и достаточных знаний о племенах Северокавказских равнин и гор, ряд собственно кавказских племен также причисляли к сарматам.

Это положение находит убедительное подтверждение в следующем: Описывая Иберию, Страбон пишет, что «горную часть (Иберии — В. Г.) занимает воинственное большинство (Иберов — В. Г.), в образе жизни сходное со Скифами и Сарматами, с которыми они находятся и в соседстве и в родстве»²⁵.

Это предложение Страбона должно быть прочитано так, «в образе жизни сходное со Скифами и Сарматами, с которыми (т. е. с сарматами.—В. Г.) они находятся и в соседстве и в родстве». Такое чтение, что «соседство и родство» горцев Иберии Страбон разумел только с сарматами может вызвать возражение, поэтому приведу несколько доводов и соображений в обоснование такого понимания текста Страбона.

Во-первых, формально, нормы языка вполне принимают такое понимание текста; синтаксис не препятствует такому толкованию фразы и мысли Страбона²⁶.

Во-вторых, по существу, никто из античных писателей не дает убедительного свидетельства о наличии в соседстве с Иберией с севера скифских племен; засвидетельствованные племена горцев Иберии дидуры (дидо), туски (туши), соды (цоры)—чартальцы, пховцы, цилканцы, гудамакарцы (о последних трех см. древнюю грузинскую хронику «Обращение Грузии», а также армянскую анонимную географию VII в.²⁷) и др. до настоящего времени единодушно признаются собственно Кавказскими племенами и не возникало даже вопроса о причислении их к ираноязычным—скифским племенам.

Северо-кавказские племена и народности в первых веках старой и новой эры у античных писателей в основном причисляются к сарматским племенам, а не к скифским. Северный Кавказ в целом в эту эпоху тоже причисляют к азиатской Сарматии или просто к Сарматии, а к скифам относят территории к востоку от Каспия и территории от Меотиды до Истра.

Наконец, это подтверждается повторными конкретными и прямыми указаниями в тексте Страбона же: «Большая часть

²⁵ «τὴν δ' ὄρεινὴν οἱ πλείους καὶ μάχιμοι κατέχουσι, Σκυθῶν δὲ καὶ Σαρματῶν, ὥστερ καὶ ὅμοιοι καὶ συγγενεῖς εἰσι.»
В. В. Латышев, цит. соч. т. 1, вып. 1, стр. 139.

²⁶ Ср. Фразу у Аммиана Марцелина аналогично построенную: «земли албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами...» т. 2, вып. 2, стр. 331.

²⁷ «... 1892, стр. 32—33; и Патканов К., «Армянская география VII в.» СПб. 1877, стр. 36—38.

на (народов живущих по горам и ущельям Кавказского хребта.—В. Г.) принадлежит к сарматскому племени»; «К югу он (Кавказский хребет.—В. Г.) отделяет Албанию и Иберию, а к Северу—Сарматские равнины»²⁸.

В силу всего вышесказанного вполне логично понять фразу Страбона именно так, что он считал соседями и родственниками горцам Иберии одних сарматов и исключал при этом скифов. В дальнейшем мы будем исходить из такого понимания текста Страбона. Разберем содержание характеристики горцев Иберии данное Страбоном.

«Сходство образа жизни» у горцев и оседлых, с одной стороны, у степняков и кочующих, с другой, может быть только общим, обусловленным общим им низким уровнем развития и культуры. Что Страбон разумел именно такое общее сходство явствует из его же слов: горные и равнинные массагеты живут «подобно кочевникам и скифам. У всех таких народов есть сходство в образе жизни, о котором мне часто приходится говорить, их погребальные обряды, нравы и весь образ жизни сходны; каждый народ в отдельности коварен, дик и воинственен...» (к. н. — В. Г.)²⁹.

Следовательно, для характеристики этнической принадлежности северокавказских горцев и горцев Иберии фраза о «сходстве образа жизни» ничего не дает.

Что касается «соседства» с сарматами, то это сообщение вполне реальное. Страбон и другие античные писатели к сарматам причисляли многочисленные племена Северного Кавказа и постольку это известие о «соседстве» отражает несомненный факт соседства племен южного и северного склонов Кавказа; но также еще ничего не говорит о этнической принадлежности северо-кавказских горцев, или горцев, Иберии.

Наконец, о «родстве» с сарматами. Горную часть Иберии в эти века заселяли помимо собственно горцев-иберов т. е. картов, племена тушин, дидойцев, пховцев, чарцев, чартальцев — цорцев, карсанцев, цилканцев, гудамарцев и др.³⁰, основная часть коих принадлежала к грузинской и чечено-ингушской народностям.

Как обычно в познании мы познаем неизвестное через известное, так и в данном случае исходя из утверждения Страбона о родстве горцев Иберии с сарматами мы можем и должны

²⁸ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 1., стр. 135.

²⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. I, вып. 1., стр. 152—153.

³⁰ См. Грузинскую хронику «Обращение Грузии» («ბრძანება ქართლისა») и Армянскую аноним. географию VII в., издан. Патканова, СПб, 1877.

утверждать не принадлежность горцев Иберии к неизвестным сарматским племенам Северного Кавказа, а наоборот, что ряд неизвестных сарматских племен населявших горы и равнины Северного Кавказа, будучи родственны горцам Иберии, следовательно были родственны грузинской или чечено-ингушской народностям. Раз Сарматы соседящие с Иберией с севера имели образ жизни сходный образу жизни горцев-иберов и были с ними в родстве, следовательно эти сарматские племена Северного Кавказа не были осколками северных кочевников—скифов, а были оседлыми, собственно кавказскими племенами, «Кавказцами», как их и называет сам Страбон³¹.

Несколько раньше Страбон писал, что «большая часть (горских кавказских племен) принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами»³². Следовательно, родство горцев Иберии с сарматами означает родство горцев Иберии с северо-кавказскими горскими племенами. Такое толкование сообщения Страбона является реалистичным — родство северо-кавказских горцев с грузинскими и вейнахскими горскими племенами, племенами населявшими горную часть Иберии, не вызывает сомнений. Оно вполне согласуется и с распространенным в научных кавказоведческих кругах мнением, что понятие «сарматы», в употреблении античных писателей, покрывает собою много совершенно различных племен, в том числе аборигенные северо-кавказские племена.

Такой смысл обобщения Страбона хорошо согласуется и с грузинской исторической традицией; Леонти Мровели (XI в. н. э.) сообщает предание, что Саурмаг сын Фарнаоза (IV—III вв. до н. э.) заселил южные склоны центральной части

³¹ Конкретным и ярким примером, подтверждающим это положение, может послужить факт наличия «Гаргареев на Северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими».

(Страбон—цитировано по Латышеву, стр. 144).

Гаргареев упоминают и другие античные писатели. Локализация—северные предгорья Керавнских гор—совпадает с территорией занимаемой чечено-ингушскими племенами. Поэтому мы считаем возможным этноним «Гаргарей» отождествить с одним из чечено-ингушских племенных названий Галга-ᠭᠠᠷᠭᠠᠷ. Тем самым в свидетельстве Страбона и других можно видеть прямое указание на наличие чечено-ингушских племен на северных склонах Кавказа еще до 1 века нашей эры.

³² В. В. Латышев, цит. соч., стр. 136.

Главного Кавказского хребта, от Дидоети до Сванети выходцами из Дзурдзукии, т. е. заселил горную полосу Иберии вейнахской этнической массой. Следовательно, и грузинская историческая традиция признает, что горная полоса Иберии была заселена коренным кавказским племенем, родственными и грузинам и дурдзукам, т. е. вейнахоязычному племени. Как мы уже убедились, такого же взгляда держался и Вахушти.

Поэтому, если соседние с севера сарматы «находятся в родстве» с горцами Иберии, следовательно эти сарматы являются племенами родственными грузино-вейнахским племенам.

Таким образом Страбон рисует нам общую этническую картину Кавказского хребта, его северных склонов довольно таки определенно: Кавказский хребет уже на грани старой и новой эр представлял собою «гору языков», был населен многими мелкими «народцами», в большинстве принадлежащими к сарматам, являвшимися собственно кавказскими народцами, родственными горцам Иберии, т. е. грузинским или вейнахоязычным племенам.

У Страбона мы не нашли ничего конкретного непосредственно относящегося именно к двалам; но поскольку двалы являлись непосредственными соседями Иберии с севера, населяли северные склоны и предгорья Кавказа, все сказанное о «народцах у Кавказа», их принадлежности к Сарматам и родстве с горцами Иберии со значительной долей вероятности может быть распространено и на двалов (хотя, конечно, полной абсолютной уверенности в правильности такого обобщения нет), и тогда двалы оказываются племенем родственными опять-таки грузинским или вейнахским племенам.

Таков тот позитивный результат, который мы добыли, подойдя к двалам со стороны Кавказского этнического мира.

Подойдем к вопросу о двалах с другой стороны. На территории Двалетии распространен в настоящее время язык, причисляемый к группе иранских языков. Этот единственный иранский язык, бытующий в горах Кавказа и в частности в Двалетии — осетинский язык, который признан скифо-аланским языком, т. е. языком одного из скифских племен — аланов. Поэтому происхождение ираноязычного населения в горах Кавказа и в частности в Двалетии должно быть связано и связывается обычно со скифским племенем аланов.

Что же известно о взаимосвязях и взаимоотношениях населения Двалетии с племенем аланов в 1 в. н. э.? Можно ли признать двалов 1 в. н. э. аланами? Достоверно известно, что аланы в 1 в. н. э. жили еще у Меотийского озера. Еще Стра-

бон писал «между Танаидом и Борисфеном живут Роксаланы»³³.

Иосиф Флавий пишет «племя Аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаида и Меотийского озера»³⁴; то же самое пишет Лукиан Самосатский³⁵, идентичную локализацию аланов показывает Плиний С.³⁶ Даже на карте Европейской Сарматии по Птолемию изданной Ю. Кулаковским, «Аланы» отмечены к Сев.-Западу от Меотийского озера, а «Роксаланы» — по западному берегу Меотиды. Одновременно Ю. Кулаковский пишет «В таком быту («кочевников, передвигавшихся в степях со своими кибитками и табунами». — В. Г.) находились как во время Птолемея, так и два века позднее, Аланы»³⁷.

Несомненно, это признание Кулаковским сделано на основании сообщений Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.)³⁸.

Единодушное свидетельство этих авторитетных источников не может вызывать сомнения в том, что в 1 в. н. э. аланы еще кочевали в западных приазовских степях, весьма далеко от Двалетии.

Взаимная территориальная удаленность и оседлый образ жизни двалов и кочевой образ жизни аланов, признаваемый всеми единодушно, не позволяет связать тал-валл-уалов непосредственно с аланами.

Особого внимания заслуживают известия Иосифа Флавия и Корнелия Тацита о нашествиях в 1 в. н. э. с Сев. Кавказа на Мидию и Армению.

При суждении о нашествиях с Северного Кавказа на юг нужно обратить внимание на имена нападающих племен и на путь их проникновения из Северного Кавказа в Закавказье. Эти моменты прямо помогают установить их племенную принадлежность и локализовать очаги их местожительства на Севере. Тем самым дается возможность судить косвенно и условно, конечно, о племенах севернее Кавказского хребта.

³³ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1., вып. 1., стр. 120.

³⁴ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1., вып. 2, стр. 484.

³⁵ Там же, стр. 559.

³⁶ Там же, II том, вып. 1, стр. 171.

³⁷ Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии по Птолемию, 1899, Киев, стр. 22.

³⁸ Обращает на себя внимание также тот факт, что и на карте середины IV в. н. э., в т. н. Пейтингер. Таблице, надпись *Alani* стоит на Сев.-западном Кавказе в истоках реки впадающей в Меотийское озеро; между надписями *Alani* и *Divali* значительное расстояние занятое несколькими различными племенами.

Иосиф Флавий (середина 1 в. н. э.) пишет: «Аланы есть часть скифов, живущая вокруг Танаида и Меотийского озера... замислив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем ирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... без сопротивления они дошли до Армении, все опустошая...»³⁹ (к. н.—В. Г.). То обстоятельство, что аланы вели переговоры с царем ирканцев и он владел проходом запертым железными воротами, что Иберия при этом ни разу не упомянута, что нашествию подверглась сначала Мидия, а затем Армения говорит убедительно за то, что аланы прошли с востока, а не через Дарьял.

Армянский историк М. Хоренский (VII—VIII вв. н. э.) описывает⁴⁰ нашествие алан на Армению тоже приуроченное к 1 в. н. э. Хотя он не называет прямо пути проникновения алан в Закавказье, но контекст позволяет предполагать скорее Дербентский чем Дарьяльский проход.

Показательно в этом смысле, что М. Каганкатуйский (X в.) описывая этот же эпизод⁴¹ и следуя при этом дословно за М. Хоренским, однако нападающих называет албанами, т. е. нападение представляет происшедшим с сев.-востока, со стороны Дагестана и Прикаспия, а не со стороны Дарьяла.

Тот факт, что нашествия аланов в Закавказье в I в. н. э. происходили через Дербент и через южный берег Каспия, а не через Дарьял указывает ясно на то, что жители центральной части Кавказского хребта, в том числе и двалы (тал-вал-уалы) не стояли ни в какой связи с этими нападающими аланами.

В рассказе К. Тацита (2 пол. 1 в. н. э.) о войне Иберов с парфянами в 35/36 г. I в. н. э. содержится такое известие: царь иберов в помощь против парфян «призвал сарматов, князья которых по своему обычаю, взяв деньги с обеих воюющих сторон, обещали помощь той и другой...»⁴², те из сарматов которые шли на помощь иберам были пропущены через горы, те же, которые шли на помощь парфянам не были пропущены иберами через горы.

³⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 2, стр. 484.

⁴⁰ М. Хоренский, История Армении, 1893, 2 кн. § 50.

⁴¹ М. Каганкатвацц, История агван. СПб, 1861, 1 кн., VII гл.

⁴² В. В. Латышев, цит. соч. т. 2, вып. 1., стр. 234.

Из этого рассказа Тацита видно, что приглашенные для войны в Закавказье, во-первых, названы сарматами, а не аланами, во-вторых, проход их через горы зависел от иберов, т. е., что сами эти сарматы не населяли высокогорную зону Кавказа, в-третьих, эти сарматы имели князей, следовательно, социально были по тому времени значительно развиты, чего нельзя предполагать у тогдашних жителей высокогорной зоны Кавказа. Этим самым Тацит подтверждает: отсутствие алан в 1 в. н. э. в центральной части Кавказа и то, что сарматы участвовавшие в войне иберов с парфянами не стоят в какой-либо связи с племенами высокогорной зоны Кавказа, и частности с двалами.

Следовательно, между известиями Иосифа Флавия и Корнелия Тацита о нашествии алан в Закавказье и участии сарматов в войне иберов с парфянами есть полное согласие по интересующему нас пункту, о взаимосвязях двалов — Двалетий с аланами: они оба подтверждают, хотя и в различных формах, что в центральных частях Кавказского хребта и Северного Кавказа в 1 в. н. э. аланов еще не было, что жители центральной части Кавказа не принадлежали к аланам.

За ограниченностью времени и места мы не можем здесь обстоятельно коснуться сообщений о подготавливавшемся Нероном походе на Восток во второй половине 60-ых годов н. э. Но мы сочли нужным определить свое отношение к этим сообщениям. Некоторыми историками (Моммзен и др.) этот поход понимается как направленный к Дарьяльскому ущелью против алан и таким образом якобы свидетельствующим о наличии алан в это время в Центр. Кавказе. Существующая по вопросу научная литература: М. Ростовцев⁴³, В. Шур⁴⁴, Я. Манандян⁴⁵, О. Кудрявцев⁴⁶, Н. Ломоури⁴⁷, и др. «История

⁴³ См. его «Эллинизм и иранство на юге России», Пгд. 1918.

⁴⁴ См. его статьи „Die Orientpolitik des Kaisers Nero“, и „Zur heronischen Orientpolitik“. в Klio 1923 г. Beiheft XV, 4, XIX и 1925 г.—XX.

⁴⁵ См. его статью „Цель и направление подготавливавшегося Нероном Кавказского похода“ в журн. „Вопросы истории“ за 1946 г., № 7, стр. 66—74.

⁴⁶ См. его статьи „Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона“ в журн. ВДИ за 1948 г. № 2, стр. 83—95 и „Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона“ в журн. ВДИ 1948, № 3, стр. 52—65.

⁴⁷ См. его статью „Թուրքիայի և Հայաստանի լիակատար ինքնիշխանության հասնելու մասին“ в Трудах Тбил. Гос. университета, 77 т. 1959, стр. 127—154.

Азербайджана» I т., 1958 и др., прямые свидетельства первоисточников: Плиния («Естественная история» кн. VI, § 40) и К. Тацита («Истории», кн. I, § 6) и множество косвенных данных или прямо свидетельствуют, что поход намечался не к Дарьялу, а в другом направлении; или свидетельствуют (будь то волюно, или неволюно) об отсутствии достаточного основания для утверждений, будто Нерон намечал поход именно к Дарьяльскому ущелью против алан. Мы предполагаем еще вернуться к этому вопросу и рассмотреть его обстоятельно, здесь же ограничимся вышесказанным и признанием того, что существующий материал в своей совокупности не дает основания для убедительного утверждения, что Нерон готовил поход к Дарьялу против алан, как это утверждал еще Т. Моммзен, и потому неоправдано ссылаться на сообщения о приготовлениях этого похода, как на аргумент в пользу наличия алан в Центр. Кавказе, ибо сам этот аргумент еще подлежит быть доказанным.

Второе этническое имя, с которым связывается также происхождение осетинского языка и населения, бытующих на территории Двалетин, является «Асии», «Асеи».

Ранее упоминание их мы встречаем у Страбона (I в. до н. э.).

Описывая при-и закаспийских скифов он пишет: «Все они ведут по большей части кочевую жизнь. Наиболее известны из кочевников... асси, ласканы, тохары, сакаравлы пришедшие с того берега яксарты...»⁴⁸.

Асси видимо продолжали еще долго кочевать, так как еще Птолемей Кл. (2 пол. II в. н. э.) перечисляя племена занимавшие азиатскую Сарматия среди ряда имен называет и «Асеев»⁴⁹ у среднего пояса Танаида с востока. И на карте Сарматии изданной Ю. Кулаковским⁵⁰, «Асеи» указаны к востоку от среднего пояса Танаида, а на западе Танаида указаны «Осси». Наконец, и Томашек так определяет вкратце асеев: «Осеи, сарматское племя, у поворота Танаида, быть может часть аланов»⁵¹.

Таким образом «Асии—Асеи» локализируются в I в. н. э. далеко на север от Кавказа у берегов Танаида и вблизи Каспийского моря и я не мог обнаружить какие-либо признаки присутствия «Аси—Асеев» вблизи центральной части Кавказских гор в I в. н. э. или в более раннее время. Вследствие этого «Асии—Асеи» также не могут быть поставлены в какие-либо интимные, генетические связи с Двалами.

⁴⁸ В. В. Латышев, цит. соч. т. I, вып. I, стр. 151.

⁴⁹ В. В. Латышев, цит. соч., т. I, вып. I, стр. 238.

⁵⁰ Ю. Кулаковский, Карта Европ. Сарматии по Птолемею.

⁵¹ Paulys—Real—Encyclop. II т., 1896, стр. 1514.

Словом, аланы и асы, по имеющимся свидетельствам античных писателей, в I в. н. э. и ранее нигде не соприкасаются с туал-валл-уалами, т. е. двалами и постолько признать двалов аланским—асским племенем или «осколком» алан-асс нет никакого основания.

Этим кончаем мы обзор сведений античных писателей (живших в интересующий нас I в. н. э. и в смежных веках) для определения этнической принадлежности тал-валл-уалов. т. е. двалов.

В результате ознакомления со сведениями античных писателей мы пришли, с одной стороны, к позитивному выводу, что со значительной степенью вероятности тал-валл-уалов, т. е. двалов можно причислить к аборигенно-кавказским племенам, родственным горцам Иберии и вейнахам, а с другой стороны, пришли к негативному выводу, что нет никакого основания для причисления тал-валл-уалов, т. е. двалов к пришлым аланским племенам.

Позитивный и негативный по форме выводы, по существу между собой вполне согласуются, взаимно подкрепляют и восполняют.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ОБ АЛАНАХ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

До I в. н. эры упоминание племени аланов в памятниках античных писателей не встречается. Является общепризнанным⁵², что первое по времени упоминание аланов у античных писателей мы находим у поэта Лукана и философа Сенеки (50—60-ые годы I в. н. э.). Несколько позже, но во второй же половине I в. н. э. аланов упоминает поэт Валерий Флакк, Плиний Секунд и, наконец, Иосиф Флавий.

Разберемся в этих сведениях.

Упоминание аланов Луканом в связи с походом Помпея в Закавказье и упоминание аланов Вал. Флакком в поэме «Аргонавтика» в связи с именем Меду, есть отчасти результат смешения имен албан и алан, отчасти результат поэтической вольности⁵³. Сообщаемые ими факты в связи с упоминанием аланов не являются исторически реальными фактами и потому содержание этих сообщений не имеет для нас значения и лежит вне интересов настоящего исследования.

⁵² Кулаковский, Аланы по сведениям античных и византийских писателей, 1899, стр. 9; Täubler—„Zur Geschichte der Alanen.“ изд. в Klio—IX в 1904 г. стр. 14; и др.

⁵³ См. там же, стр. 14.

Здесь важен лишь тот факт, что этнический термин «Аланы» входит в обиход античной литературы со второй половины 1 в. н. э.

Более значительными являются фразы Сенеки «...Истра, представляющий пути к бегству диким аланам...»⁵⁴, сообщение, Плиния «к северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена то геты..., то сарматы..., то неблагородные рабского происхождения скифы, трогодиты, затем аланы и роксаланы»⁵⁵, и, наконец, сведения Иосифа Флавия, что «племя аланов есть часть скифов живущая вокруг Танаида и Меотийского озера»⁵⁶.

Таким образом, Сенека, Плиний, Иосиф Флавий локализуют аланов по северному побережью Черного моря, у северной части меотиды (Азовское море) и у Танаида (р. Дон) до Истра (р. Дунай).

Позже, во II в. н. э. Клавдий Птолемей также локализирует аланов по западному берегу Танаида, а Периегет Дионисий в припонтских степях.

В последующие века они встречаются у Дуная, там же упоминаются область Алания и река Алана (приток Дуная).

Таким образом, с 1 в. н. э. в античной литературе установилась прочная традиция связывающая имя аланов территориально с бассейном р. Танаида (Дон), с приазовскими и причерноморскими степями до Дуная.

Заслуживает серьезного внимания тот факт, что ни один из важнейших источников историко-географических сведений 1 века н. э., как Страбон, Плиний Секунд, Корнелий Тацит, не знает аланов в прикавказских степях. Территория Северного Кавказа именуется у них «сарматскими степями», а населяющие Северный Кавказ племена «сарматскими племенами».

Тейблер (Täubler), посвятивший специальное исследование истории аланов, признает, что «о степях севернее Кавказа, где впервые (?! — В. Г.) встречаются (?! — В. Г.) аланы, дает нам Страбон надежнейшие сведения, в особенности ко времени Митридатской войны;... Однако, Страбон не знает алан-

⁵⁴ В. В. Латышев, цит. соч., т. 2, вып. 1, стр. 133.

⁵⁵ Там же, стр. 171.

⁵⁶ Там же, т. 1, вып. 2, стр. 484.

нов и сверх того, называет во всех областях, в которых они могли бы попасть в поле зрения, другие народы...»⁵⁷.

Далее еще Тейблер обратил внимание на то обстоятельство, что войны римлян 35/36 г. и 49 г. н. э. в прикавказских областях не дали сведений об аланах.

«Тацит использовал военные донесения этих войн, однако аланов не называет так же, как и Плиний в шестой книге, в которой он, по собственному свидетельству, использует новые знания, которые принесли эти войны»⁵⁸.

Все это очень важный аргумент, говорящий об отсутствии аланов еще в середине 1 в. н. э. в непосредственной близости Кавказского хребта.

Тем не менее существует и другая традиция, связывающая первое появление алан на историческом горизонте с Северным Кавказом и приурочивающая хронологически первое появление алан на Северном Кавказе ко второй трети 1 в. н. э.

Эта традиция (Кулаковский, Моммзен, Тейблер и друг.) опирается, вернее старается опереться на свидетельство Иосифа Флавия. Но изначальная, органическая слабость этой традиции заключается в том, что приверженцам ее приходится каждому по своему подправлять Иосифа Флавия, чтобы получить нужную опору в авторитете Иосифа Флавия; ибо сам Флавий непосредственно и в прямой форме не свидетельствует нигде присутствия аланов во второй трети 1 в. н. э. в северных прикавказских степях. Рассмотрим и этот вопрос.

Ю. Кулаковский пишет «точное приурочение имени Алан к обитателям степей переднего Кавказа дано у Иосифа Флавия, писателя несколько более ранней даты чем Тацит»⁵⁹. При этом он разумеет свидетельство Флавия о нашествии Алан на Мидию и Армению в 72 г. н. э.

По поводу нашествия алан на Мидию в 72 г. н. э. Флавий пишет: «аланы...замыслив вторгнуться с целью грабежа

⁵⁷ „Über die Steppe nördlich des Kaukasus in welcher die Alanen zuerst begegnen, bietet Strabon die sichersten Nachrichten, besonders für die Zeit der mithridatischen Kriege... Strabon kennt aber die Alanen nicht und nennt überdies in allen Gegenden, für welche sie in Betracht kommen könnten, andere Völker“... Klio. цит. соч., стр. 15.

⁵⁸ Tacitus benutzte die Lagerberichte dieser Kriege, nennt aber die Alanen ebensowenig wie Plinius im 6. Buche, in welchem er nach eigenem Zeugnis die neuen Kenntnisse, die diese Kriege brachten verwertete. там же, стр. 17.

⁵⁹ Ю. Кулаковский, цит. соч., стр. 9.

в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... без сопротивления они дошли до Армении, все опустошая...»⁶⁰.

Из контекста ясно, что нашествие совершено по представлению Флавия с востока через Гирканский проход; однако, Кулаковский считает, что Иосиф Флавий «очевидно знал только один кавказский проход»⁶¹ и поэтому допустил ошибку, что «мы вправе предположить в его сообщении неточность и утверждать, что аланы прошли на юг не через Каспийские, а через Кавказские ворота»⁶².

Это «предположение» ошибки у Иосифа Флавия довольно-таки произвольно и совершенно не убедительно; ибо если аланы прошли в 72 г. н. э., через Дарьял, то они опустошили бы сначала Иберию, затем Армению и под конец Мидию; а по Флавию аланы разорили сначала Мидию, а затем Армению, а Иберия и вовсе не упомянута, т. е. нашествие произошло с востока, а не с запада или севера.

Таким образом, или Флавий дает сведения полное ошибок—смешаны проходы Кавказа, неверно изображено направление нашествия с востока на запад—и тогда это известие не заслуживает вообще доверия и опираться на эти сведения нельзя, или же проникновение Алан по Каспийскому побережью и направление нашествия с востока на запад верно, но тогда аланов нельзя локализовать в центральной части Северного Кавказа.

Пытаясь объяснить и преодолеть очевидную внутреннюю противоречивость этого сообщения Иосифа Флавия Тейблер пишет: «...это... сообщение оправдывается тем доводом, что в 72 (73) г. нашествие аланов с востока было возможно. Этот довод может быть представлен с двух сторон»⁶³. Во-первых, Птолемей различает европейских и азиатских, на территории современного Туркестана, аланов; с фактом локализации имени алан восточнее Каспия мы встречаемся и после Птолемея, а именно у Амм. Марцелина. во-вторых,

⁶⁰ В. В. Латышев, цит. соч., т. 1, вып. 2, стр. 484.

⁶¹ Ю. Кулаковский, цит. соч., стр. 10.

⁶² Там же, стр. 11.

⁶³ „...der... Bericht durch den Nachweis rechtfertigen lässt, dass in J. 72 (73) ein Alaneneinfall von Osten her möglich war. Und dieser Nachweis lässt sich von zwei Seiten erbringen“. Там же, стр. 19.

китайские анналы, относящиеся ко времени 25—221 гг. н. э., упоминают имя аланов, причем из общего контекста явствует, что упомянутые в них аланы находятся восточнее Каспия. На этом Тейблер заключает: «раз этим удостоверяется возможность нашествия алан с востока, то тем самым»⁶⁴ разрешается и внутренняя противоречивость сообщения Флавия.

Таким образом Тейблер отрицает толкование, предложенное Ю. Кулаковским и, признавая некоторую путанность сообщения И. Флавия, считает верным толковать это как сообщение о нашествии алан из Ср. Азии через Гирканский горный проход.

Критически отнесся к этому вопросу и Маркварт⁶⁵. Он не разделяет мнения Тейблера, что в 72/73 гг. н. э. возможно было нашествие алан с востока, т. е. из Средней Азии; но он опровергает и Моммзена признававшего, что данное нашествие произошло через Дарьяльское ущелье. Решающим аргументом для него является маршрут движения (Мидия—Армения) кочевников. Увязывая с этим предание о железных вратах, сделанных якобы Александром Македонским в Дербенте, и вероятную подчиненность Дербентского прохода в 1 в. н. э. (в 35 г. и 72/73 гг. н. э.) Гирканскому царю, Маркварт приходит к выводу: «Из этого следует, что кочевники могут быть проникнувшими не через Дарьяльский проход — ибо этот путь привел бы их сперва в Армению, — а только лишь через собственно Каспийские ворота, через Дербентский проход»⁶⁶.

Итак, Маркварт расходясь с Тейблером в вопросе положительного определения откуда (через Гирканский или Дербентский проход) произошло нашествие алан в 72/73 г., полностью согласуется с Тейблером в том, что этим проходом не был Дарьял. А это и является наиболее существенным для исследуемого нами вопроса.

Данного сообщения И. Флавия коснулся и акад. Я. Манандян⁶⁷. В итоге своего анализа, в процессе которого он признает это сообщение И. Флавия в целом путанным и спор-

⁶⁴ „Ist somit die Möglichkeit eines Alaneneinfalls von Osten her gesichert, so ist damit...“ Там же, стр. 21.

⁶⁵ См. его статью „Iberer und Hirkantier“ в журн. „Caucasica“, № 8, 1931, стр. 78—113.

⁶⁶ „Hieraus folgt, daß die Nomaden nicht durch den Paß von Darial gekommen sein können—denn dieser Weg hätte sie zuerst nach Armenien geführt—, sondern nur durch das eigentliche Kaspische Tor, den Paß von Darband“. Там же, стр. 84.

⁶⁷ См. его статью „О местонахождении Caspia via и Caspiae pertae“ в журн. „Исторические записки“, № 25, 1948, стр. 59—70.

ным, Я. Манандян приходит к выводу: «можно предположить, что вторжение аланов в Армению, о котором сообщают Тацит и Иосиф Флавий, могло иметь место именно оттуда, по магистральному пути из Колхиды, а не через Дарьяльский проход»⁶⁸. И еще «через какой из этих (Дарьяльский, Зекарский, Сурамский, Дербентский—В. Г.) проходов вторглись Аланы в Армению и Мидию, определить очень трудно, т. к. об этом нет прямых или косвенных указаний в источниках. Однако... в 72 г. они могли быть впущены царем Иберии в Армению и Мидию по этой же магистрали (т. е. по Мэотидо—Колхидской дороге—В. Г.⁶⁹).

Итак акад. Я. Манандян не разделяет категорического утверждения будто сообщение И. Флавия разумеет нашествие алан через Дарьял и со своей стороны считает скорее возможным признать путем следования алан в 72 г. н. э. Мэотидо-Колхидскую дорогу, считает Мэотидо-Колхидскую дорогу более вероятным путем движения алан на Армению и Мидию, чем Дарьяльский проход.

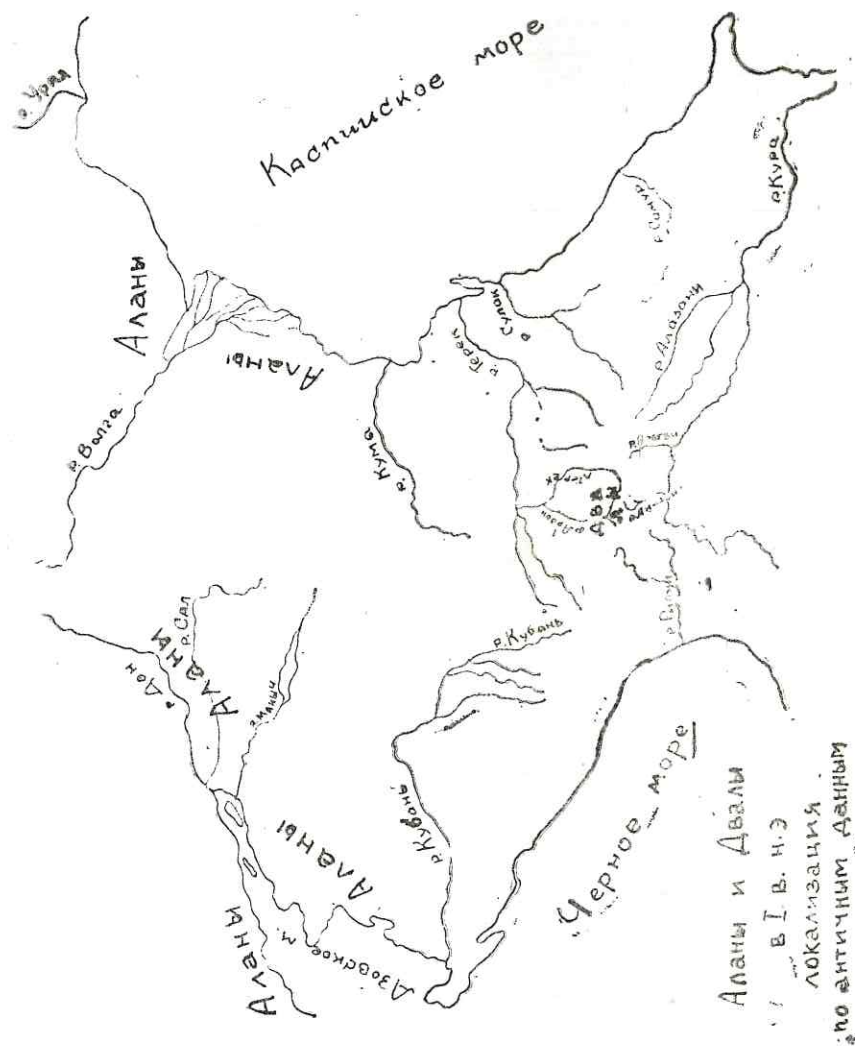
Одновременно акад. Я. Манандян в форме общей фразы допускает наличие алан в I в. н. э. в Центр. Кавказе, хотя и не указывает конкретно на чем основано его такое допущение. Вследствие этого последнее его признание мы не можем подвергнуть обсуждению.

Тот факт, что многие ученые (Моммзен, Тейблер, Маркварт, Манандян и др.) признают сообщение И. Флавия о нашествии алан в 72 г. н. э. на Мидию-Армению путанным и внутренне противоречивым; что о пути следования алан имеются разнообразные концепции (Дарьяльский, Дербентский, Гирканский проходы и Мэотидо-Колхидский путь); что при этом первоначально (Моммзен, Кулаковский) был признан Дарьяльский вариант, а именно последующие ученые (Тейблер, Маркварт, Манандян) отрицают Дарьяльский путь и предпочитают отдавать другим путям—все это делает несомненным во всяком случае, что на свидетельстве И. Флавия строить утверждение о наличии алан в I в. н. э. в Центр. Кавказе нельзя, — делает несомненным, что такая аргументация не выдерживает критики.

В Сев. Кавказских степях локализует первое появление алан и Тейблер, но ссылающийся при этом не на приведенную цитату из «О войне иудейской», а на текст из «Иудейская древности», также Иосифа Флавия. При этом Тейблер приурочивает первое появление и упоминание алан к войне рим-

⁶⁸ Там же, стр. 66.

⁶⁹ Там же, стр. 70.

лян в союзе с иберами и албанами против парфян в 35/36 г. н. э. и пытается найти поддержку своему этому утверждению в сообщениях Иосифа Флавия.

Упомянув Вал. Флакка и Плиния Сек. он продолжает: «затем следует по времени упоминание аланов у Иосифа в 35 г. н. э., которое следовательно было бы рассматриваемо как первое (хронологически упоминание алан.—В. Г.) если бы можно было оградить его аутентичность от недавно выраженного сомнения»⁷⁰.

Дело в том, что аутентичность упоминания Флавием имени аланов не признается многими учеными — специалистами (Набер, Маркварт и др.), что подчеркивает и сам Тейблер; по установленному тексту Иосифа Флавия принято читать имя «скифы», а не «аланы»⁷¹.

Но Тейблер пытается рассеять это неверие в аутентичность упоминания имени «аланы» и косвенным доводом (передвижением Сираков и Аорсов на запад и север) старается доказать возможность присутствия в этих местах и в это время аланов. Однако этот косвенный довод висит в воздухе, так как передвижение сираков и аорсов связывается им с движением аланов без наличия на то каких-либо подтверждающих объективных данных и является по существу плодом его собственных домыслов.

Наконец, Тацит писавший несколько позже Иосифа Флавия об этом же событии, в соответствующем месте называет не «алан» а «сарматов».

Это обстоятельство значительно укрепляет недоверие к гипотетическим предположениям Тейблера; с другой стороны, оно убеждает, что сомнение в аутентичности выражения «аланов» у И. Флавия (в связи с войной 35 г. н. э.), возникшее по текстуально-филологическим соображениям, основательно и, признаваемое, на основании наиболее раннего латинского перевода, употребленным в оригинале выражение «скифы», должно быть не случайного происхождения.

Вследствие всего этого мы не можем разделить взгляд Тейблера о якобы упоминании Флавием в книге «Иудейские древности» имени аланов.

Итак, традиция, возникшая на базе сведений Иосифа Флавия и пытающаяся приурочить первое появление алан в I в. н. э. к степям Центрального Сев. Кавказа страдает в значи-

⁷⁰ „...es folgt nun der Zeit nach die Erwähnung der Alanen bei Josephus zum J. 35 n. Chr., die mithin als erste anzusehen wäre, wenn ihre Authentizität sich gegen jüngst geäußerte Zweifel sichern liesse“, там же, стр. 15.

⁷¹ В. В. Латышев, цит. т. 1, вып. 2, стр. 482.

тельной мере произвольностью своих суждений и потому неубедительна. Одновременно, античная литература не содержит каких-либо других данных, могущих служить основанием для утверждений о наличии значительной массы алан в I в. н. э. в степях, примыкающих к горной зоне Центр. Кавказа.

Из всего вышеизложенного мы резюмируем: данные, содержащиеся у античных писателей локализуют алан у Дона и в приазовских степях, с одной стороны, и по северо-западному Каспийскому побережью, с другой стороны.

Поэтому правильнее сказать, что при первом появлении на горизонте истории, аланы у античных писателей локализованы не в степях, примыкающих с севера к Центр. Кавказу, а в южн. России, в южно-русских степях—между Доном и северо-западным углом побережья Каспия⁷².

4. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДВАЛОВ (О двало-картских взаимоотношениях)

Переход от язычества к христианству, будучи сменой религии, являлся глубоким идеологическим преобразованием, обусловленным тем глубоким преобразованием социально-экономического и политического строя, которые испытывала Европа и ближний Восток, переходя от античного рабства к средневековому феодализму. Это идеологическое преобразование в течение первой половины эпохи средневековья проявляет себя постепенно все более и более полно по мере становления нового социально-экономического и политического строя, по мере выявления потенций этого нового. У разных народов христианство вводилось в различные эпохи, в различных внутри и внешне-политических условиях; но как фактор идеологического порядка христианизация везде имела большое культурно-политическое значение. Христианство, как особая идеология, наложило сильнейший отпечаток на все области культуры эпохи средневековья и христианско-церковная организация играла важную роль в области внутренней и внешней политики средневековых государств.

В силу такого общего положения, в деле исследования исторических судеб двалов средневековья многообещающим представляется нам исследование вопроса христианизации двалов.

⁷² По существу тождественное определение дает и M. Vasmer „Alavoi Volk. urspr. in der Steppenregion nördlich des Kaspischen Meeres und des Kaukasus bis zum Tanais“. см. M. Vasmer—Die Iranier in Südrussland“, 1923, стр. 31.

При этом не касаясь общих вопросов христианской религии, как особой формы общественного сознания и особого вида религии, мы христианизацией двалов интересуемся лишь в аспекте культурно-политической роли, сыгранной ею в исторических судьбах двалов.

Изучение христианизации двалов, выявив пути проникновения христианства в Двалетию, хронологические рамки и исторический фон на котором протекал этот процесс, прочность — стабильность христианско-церковной организации даст основание судить и о культурно-политических связях двалов, и тем самым ознакомит нас с некоторыми моментами исторических судеб двалов.

Религиозный признак, принадлежность к той или иной церковной организации в средние века был одним из решающих моментов, определявших принадлежность, примыкание индивида или коллектива к соответствующей этнической общности. Постолько проработка темы христианизации двалов даст нам возможность судить не только о их культурно-политической ориентации, но, в некоторой степени, еще и об их этническом самосознании, о их сознании своей принадлежности к определенному этническому кругу.

Христианизация двалов является одним из звеньев в общем процессе внедрения христианства в высокогорную зону Большого Кавказа, поэтому правильно понять процесс христианизации двалов можно только в перспективе христианизации вообще населения высокогорной зоны Кавказа.

Ближайшим рассадником христианства, ближайшим центром христианской культуры для высокогорной зоны Центрального Кавказа являлась Картли; отсюда идут миссионеры, отсюда исходит пропаганда христианства и соответствующие государственные мероприятия.

Таким образом Двалетия становится сферой деятельности грузинской христианской церковной организации. Поскольку позволяют судить наличные исторические свидетельства, участие в христианизации Двалетии других, помимо грузинских, христианско-церковных центров исключено; во всяком случае, они не оставили каких-либо ощутительных следов. Поэтому к исследованию христианизации двалов мы подходим со стороны Грузии.

Процесс распространения христианства по Грузии, вследствие неблагоприятных внешне-политических обстоятельств и консерватизма быта и сознания населения, затянулся. Особенно упорно сопротивлялись распространению христианства горные общества не желавшие расстаться со своей родоплеменной религией, с язычеством. На этой почве возникает борьба между горными обществами и центральной государ-

ственной властью. В ней сказалась сила замкнутого в себе натурального хозяйства горцев, стремление к сохранению самобытности и идейно-моральная недоразвитость, как следствие консерватизма быта и сознания горцев, с одной стороны, а с другой стороны, стремление центральной государственной власти к созданию большого единообразия культуры, единых моральных понятий общенародного масштаба для большей консолидации страны и населения.

Борьба за и против христианства была формой борьбы между тенденциями за большую общенародную культуру и за сохранение племенной самобытности, борьбой тенденции за создание единого большого социального (народного) объединения с тенденцией к сохранению своей автономности отдельных племенами.

Эта борьба была проявлением стремления государственной власти привязать к себе и подчинить себе новыми узами народные массы горцев и стремления горцев отвести от себя, чуждые ему пути, нетребуемые ему в силу своего внутреннего развития и нежелания в той или иной степени и форме закабалиться.

Государственная власть настойчиво добивается в течение ряда веков распространения христианства в высокогорной зоне Кавказа¹. Несмотря на это горные общества туго поддаются христианской проповеди².

Такова была общая обстановка в первые века после признания христианства государственной религией в Грузии; таковы были общие условия первоначального распространения христианства среди горного населения.

Что можно сказать о распространении христианства в частности в Двалетии? Какими фактами мы располагаем для этого?

Мцхета³ давно став очагом общегрузинской государственности и государственным центром, теперь стала и очагом рели-

¹ ქართლის ცხოვრება, თბ., 1935, стр. 125, 130, 229 и др.

² Цит. соч., стр. 116, 126, 200, 205 и др.

³ Сообщения Леонти Мровели, Эфрема Мцире и др. о миссионерской деятельности апостола Андрея Первозванного и Симона Кананита в Абхазии и Осетии, а также Варлаама—Варфоломея в Картли и в высокогорной зоне Большого Кавказа, если при всей сомнительности, и отражают в некоторой степени какие-то исторические факты, то эти факты при наличии в 1 в. н. э. господства язычества в Римской империи, Армении, Грузии и других странах могли бы иметь исключительно и крайне ограниченный эпизодический характер. К тому же в этих сообщениях Двалетия не упомянута. Поэтому для интересующей нас темы они не могут быть использованы и мы считаем себя вправе их игнорировать.

гии претендующей быть единой общегрузинской религией и центром христианско-церковной организации. Этот очаг излучая энергию постепенно расширяет ареал своего действия. Для нас в высшей степени важно проследить экстенсивное распространение христианства в зоне Большого Кавказа и тем самым сделать очевидным ту реально-историческую связь, в которой произошла христианизация двалов.

Оно тем более интересно, что в грузинских летописях христианизации именно населения Большого Кавказа уделено много внимания. Это нужно признать показателем того, что христианизации горцев государственные и церковные власти придавали большое значение и прилагали к этому много усилий. Такое направление устремлений христианско-миссионерской деятельности для Картли было естественным, так как юг, юго-запад и запад были в сфере влияния уже христианизированных государств, там развернули свою деятельность Византия, Антиохия, Армения. Оставались лишь север и восток, как поприще для миссионерской деятельности, где еще можно было вербовать прозелитов, за счет которых еще можно было нужно было расширять свою паству. Этот север и восток представляли собой в основном именно зону Большого Кавказа и сюда устремилась экспансия грузинской церкви, поощряемая и поддерживаемая государством.

В этом отношении весьма показательны маршрут миссионерской экспедиции Нины сначала на север к горцам (до Цобени), затем на восток (в сторону Кахети) и слова, приписанные царю Мириану о его желании в принудительном порядке приобщить к христианству горцев и зятя Пероза (Эристава ранского)⁴.

За этими словами и фактами, имеющими ряд параллелей в других исторических памятниках, скрывается большой вопрос борьбы царской власти и христианской церкви над решением задач по дальнейшей консолидации грузинского народа и государства.

Можно указать несколько этапов постепенного распространения христианства от Мцхета в сторону Двалетии.

1. После крещения жителей Мцхета и всей Картли остались некрещеными горцы Б. Кавказа⁵. Стремясь приобщить

⁴ ქართლის ცხოვრება, თბ., 1955, стр. 125.

⁵ „და წარემართა მიუღ და ყოველი ქართლი ქრისტიანობასა მისწრაფებითა დისითა“, მოქც. ქართლისაჲ. Е. Такайшвили, опис. рук. . . . II т., III в., стр. 715;

„ნათელ იღეს ყოველმან ერმან... ქართლისამან თეინებო არა ნათელ იღეს მთიულთა იაკვასიანთა“, ქართლის ცხოვრება, изд. 1955., стр. 116.

к христианству и кавказских горцев просветительница Нина переносит свою деятельность в ущелье Арагви. Царь поручил эриставу сопровождать Нину. Эристав—воплощение вооруженной силы государства. Дойдя до местности Цобени «они призвали к себе горцев... чартальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев»⁶. Население названных ущелий враждебно встре-

⁶ „მოქცევაჲ მთელთა... ქართლელთა, ფხოველთა, წილკანელთა და გუდამაყრელთა“, ქართლის ცხოვრება, цит. изд., стр. 125, см. также მოქცევაჲ ქართლისაჲ, цит. изд., стр. 716. Считаю нужным остановиться на вопросе текстуального характера. В „Картлис цховреба“, изданном С. Каухчишвили, текст дает перечень „чартальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев“. Мы ставим под сомнение правомерность чтения слова „цилканцев“ в данном контексте, и предполагаем правильное читать здесь „წილ(ლ)კასანელთა“, что буквально означает „закасанских“.

В пользу чтения „циаглакасанцев“ у меня следующие аргументы: 1. Текстуального характера—Проф. С. Каухчишвили в итоге своих наблюдений над рукописями „Картлис Цховреба“ объясняет разночтения „Картлис Цховреба“ списка царицы Анны, содержащей именно форму „циаглакасанელი“ тем, что редактор первоначальной рукописи, послужившей оригиналом для списка царицы Анны, имел под рукой один вариант „Обращения Картли“—отличный от шатбердского и челишского вариантов—, а редакторы других списков „Картлис Цховреба“ пользовались другим вариантом „Обращения Картли“. „ანასეული ქართლის ცხოვრების ახალი ადგილები ლეონტი მროველის თხზულების თარგმანში აიხსნება იმით, რომ ანასეული „ქართლის ცხოვრების“ პირველ-დედნის რედაქტორის ხელთ ჰქონია „მოქცევაჲ ქართლისაჲს“ (ნინოს ცხოვრების ჩათვლით) სხვა ვარიანტი, ხოლო მარიამისეული „ქართლის ცხოვრების“ და დანარჩენ ნუსხათა რედაქტორებს—სხვა“. (ქართლის ცხოვრება, ანა დედოფლისეული ნუსხა, თბ., 1941, გვ. XVIII).

Следовательно, не исключено, что форма „циаглакасанელი“ могла быть уже в той ранней рукописи, которая послужила прототипом для „Картлис Цховреба“ списка царицы Анны.

Помимо того, что древнейшая рукопись „Картлис Цховреба“—список царицы Анны (XV в.)—содержит форму „циаглакасанцев“, и в армянском переводе „Картлис Цховреба“ (рукопись XIII в.) мы встречаем (в соответствующем месте) форму „цилкасан“, и в челишском варианте (рукопись XIV в.) „Обращения Картли“ соответственно форму „цалкасанელთა“. Фиксированная в двух последних случаях в корневом слове „с“ („-касан“) дает основание разуметь здесь название реки „Касани“ (var, Ксани). Первый же слог „цил-цал“ может быть объясняется как титло, или искажение „циаг“—„циагвл“.

II. Логического характера.—Нина, направляющаяся из Мхета к горцам для проповеди христианства, должна была пройти попутно через Цилкани. Поэтому приглашение Ниной цилканцев в Цобени, находящегося

цает проповедь христианства, не желает отказаться от своей языческой религии. Тогда на сцену выступает государственная власть (эристав) и в принудительном порядке приобретает часть горцев к христианству. Итак, после того как христианство было признано государственной религией в Картли христианская проповедь направилась сперва в ущелья р. Арагви (и Ксани). Но встречает здесь прямое сопротивление и имеет небольшой успех.

2. При ближайших преемниках царя Мириана продвижение христианства в ущелья Арагви идет успешнее и закрепляется постройкой ряда церквей.

Так, Л. Мровели сообщает, что уже следующий царь Бакар Мирианович «обратил в христианство большинство кавказцев»⁷. (По грузинской этнонимической номенклатуре термином «кавказцы» обозначались не лезгин-дагестанцы и не осетины, а чечено-ингушские племена, двалы, чартальцы и др. мелкие племенные единицы Центрального Кавказа; этого вопроса мы касались подробно уже выше).

Тогда же построили церковь в Цилкани⁸, несколько позже церковь Степан-Цминда тоже по ущелью Арагви⁹.

По сообщению Джуаншера ко времени Вахтанга Горгасала «некоторые из них (царей кавказских — В. Г.) верили в распятие»¹⁰.

Следовательно, нужно признать, что во 2-ой половине IV в. и 1-ой половине V в. н. э. христианство достигло заметных результатов по ущелью р. Арагви и вообще среди населения высокогорной зоны. Однако не все, а лишь часть «кавказцев», естественно разумеет территориально ближайших, приняла христианство. Поэтому предполагать и двалов в чис-

много дальше в горах, кажется неестественным. Одновременно, ксанское ущелье отдалено от Цобени примерно на такое же расстояние, что и Гудамакари, Чартали, Пхови. Поэтому упоминание ксанцев рядом с пховцами и чартальцами кажется естественным.

Если наши аргументы и недостаточны для категорического утверждения, тем не менее они представляются нам достаточными для постановки вопроса имеющего некоторый интерес.

⁷ „ამან მოქცივნა უმრავლესნი კავკასიანნი“—ქართლის ცხოვრება, стр. 130.

⁸ „ამან აღაშენა ეკლესია წილკნისა“—ქ. ცხოვრება, стр. 131; см. также მოქცევაჲ ქართლისაჲ, цит. изд. стр. 720.

⁹ „აღაშენეს სტეფან-წმიდათ არაგოს ზედა“—მოქცევაჲ ქართლისაჲ, стр. 721; см. также ქართლის ცხოვრება, цит. изд., стр. 140.

¹⁰ „რომელთამე მაჟანთა აქუნდა სასოება ჯუარცმულისა“—ქართლის ცხოვრება, стр. 179.

ле уже христианизированных, хотя бы даже только формально и поверхностно, нельзя; нам кажется это еще преждевременным.

3. Армянский письменный памятник конца VI в. «Книга посланий» — *Գրք թղթայ* сохранил перечень грузинских епископств начала VI в.; это список грузинских архиереев, участвовавших на церковном соборе в 506 г. В числе присутствовавших на церковном соборе были епископы Цилканский, Самтависский, Руисский и др.¹¹. Из этого вытекает, что еще раньше того существовали епархии Цилканская, Самтависская, Руисская и ближайшие горные ущелья не только Арагви, но и Ксани, Рехулы, Исроли, Проне являлись естественным полем их деятельности. Это означает большое расширение линии, с востока на запад, наступления христианства на южные ущелья Центр. Кавказа. Итак во 2-ой половине V в. христианство уже распространено в ущельях между р. р. Арагви и Лиахви и здесь организованы особые Цилканская и Самтависская епархии.

4. Джуаншер сообщает¹², что Вахтанг Горгасал в последние годы своего царствования построил церковь в Никози, у выхода р. Лиахви из гор, и назначил там епископа.

Никозский епископ не виден среди участников церковного собора 506 г. Но одно это обстоятельство еще не опровергает сообщения Джуаншера. По признанию акад. И. Джавахишвили¹³ не все епископы грузинской церкви участвовали на этом соборе так, что и Никозский мог быть среди отсутствовавших. Тем более что и по Джуаншеру она была только-только организованной. Но если даже сомневаться в хронологической точности сообщения Джуаншера о времени создания Никозской епархии, все же на основании этого сообщения и факта наличия еще во 2-ой половине V в. Самтависской и Руисской епархий, территориально смежных с Никозской, можно легко допустить датировку этого факта 1-ой половиной VI в. Учреждение Никозской епархии было логически неизбежным шагом в процессе поступательного развития христианства в Грузии.

Наличие же такого процесса в Грузии тех веков вне всякого сомнения.

Таким образом, в 1-ой половине VI в. возникает Никозская епархия, которая должна была иметь полем своей деятельности ущелье р. Б. Лиахви. Тем самым проповедь хри-

¹¹ ს. კაკაბაძე, ქართული სახელმწიფოებრივობის გენეზისის საკითხები, № 1, საისტ. მოამბე, 1924, სტრ. 103.

¹² ქართლის ცხოვრება, ტტ., изд., სტრ. 199.

¹³ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, ტ. I, 1951, სტრ. 302.

ტიანства в 1-ой половине VI в. подходит вплотную к территории Двалетии, находящейся в самых верховьях р. Б. Лиахви и севернее Лиахвского ущелья, за хребтом.

5. Метафрасная редакция жития Давида Гареджели, одного из 13-ти сирийских подвижников, уже прямо называет Двалетию. В этом сочинении сказано, что Давид Гареджели «приказал ученикам своим, чтоб каждый из них пошел в другие места и проповедывал евангелие божие и покаяние для прощения грехов». И ученики «пошли как овцы меж волков и некоторые из них пошли к пределам Кахетии, а другие в горные места к жителям Двалетии»¹⁴.

Давид Гареджели историческая личность, но в датировке эпохи деятельности сирийских подвижников имеются некоторые разногласия. Поэтому мы будем не далеки от истины если примем середину VI в. за время деятельности Давида Гареджели. Итак, с середины VI в. Двалетия непосредственно стала полем христианско-миссионерской деятельности.

Правда, в древнейшей, много более короткой, редакции жития Давида Гареджели о Двалетии ничего не сказано. Это легко объяснимо краткостью повествования. Метафрасная же редакция, возникшая по С. Какабадзе¹⁵ в начале X в., а по определению К. Кекелидзе¹⁶ в 1-ой половине XII в., включила сведения о Двалетии, видимо, пользуясь неизвестными другими источниками или на основании существовавшей устной традиции. Тот факт, что Двалетия названа поименно, наравне с Кахетией, говорит за определенное значение придававшееся грузинской церковью христианизации двалов, говорит о наличии прямых связей Картли с Двалетией, о заинтересованности Двалетией.

Конечно, литературное произведение X—XII вв. как источник исторических сведений о событиях VI в. не может не вызывать некоторого сомнения в своей достоверности. Поэто-

¹⁴ „უბრძანა მოწაფეთა თვისთა, რათა წარვიდეს თითოეული მათი სხუათა მიმართ ადგილთა და ქადაგებდნ სახარებდას უფლისასა და სინანულსა მოსატევებლად ცოდვათა...“ და ისინი ე. ი. დავით გარეჯელის მოწაფეები „წარივიდნენ ვითარცა ცხოვარნი შორის მგელთა, და რომელნიმე მათგანი კახეთისა საზღვართა მიმართ მიიწიენეს, ღოღო სხვანი მთისა კერძოთა ღუაღეთისა მკვიდრთა მიმართ“ ასურელ მოღვაწეთა ცხოვრების წიგნთა ძველი რედაქციები — გამოსცა ილ. აბულაძემ, 1955. სტრ. 150.

¹⁵ ს. კაკაბაძე, ასურელ მამათა ცხოვრებათა არქეტიპები, 1928, სტრ. 8.

¹⁶ ე. კეკელიძე, ძველი ქართ. მწერლ. ისტორია, ტ. I, 1951, სტრ. 506—

му на основании одной только метафрасной редакции жития Давида Гареджели мы не смогли бы признать середину VI в. временем первого проникновения христианства в Двалетию. Но предпосланный обзор процесса распространения христианства в горных районах Грузии делает вполне приемлемым такую датировку.

В пользу реальности такой датировки говорит еще одно сообщение хроники VIII—IX в. «Обращение Картли», «Персы покорили Картли и вступили в Кавкас и взяли (или построили) осетинские врата. Одни большие врата в Осетии же и двое в Двалетии и одни в Парчуане, Дордзокетском». Это сообщение касается событий VI в., о которых повествует и Прокопий Кесарийский¹⁷.

Следовательно «Обращение Картли» подтверждает, что в VI в. Двалетия вместе с Картли находилась в орбите Персидского политического господства. Нахождение в единой политической орбите безусловно должно было облегчить и поощрить культурно-религиозные связи. Поэтому проникновение христианства в Двалетию в середине VI в., в силу существовавшей тогда политической обстановки, представляется вполне реальным и правдоподобным.

У нас нет каких-либо сведений о том как встретили двалы христианских проповедников. Но история распространения христианства среди других племен и обществ горцев, а также эпитет «Волки», примененный автором метафрасной редакции жития Давида Гареджели к населению, подлежащему обращению, заставляет предполагать недружелюбный прием миссионеров двалами. Несомненно, что христианство не привилось бы среди двалов с первых же проповедей. Тем не менее знакомство двалов с христианством, с новой моралью; с новым мировоззрением, с новым жизненным чувством произошло уже в VI в. и это, конечно, было знаменательным событием в истории населения Двалетии.

Не исключено, что в Двалетии были христианские миссионеры и ранее. Вспомним Варлаама умершего в горах Кавказа. Несомненно, что до Двалетии еще ранее дошла бы весть о христианизации Картли и т. п. Но в отношении этой более ранней эпохи мы лишены почвы конкретных исторических фактов и попадаем в сферу домыслов и умозаключений.

Итак, основываясь на грузинских письменных памятниках можно заключить, что христианская проповедь впервые проникает непосредственно в Двалетию по меньшей мере с середины VI в. и эту проповедь несут миссионеры из цент-

ральных районов Картли (Вост. Грузия). С этого времени можно твердо говорить о христианстве в Двалетии. А следовательно о возникновении новых уз, связующих Двалетию с Картли.

Таким образом, христианство, признанное официальной религией в Картли в 30-ых годах IV в., постепенно распространяется по периферии Картли. Государственная власть — цари Грузии и возникающий класс феодалов поддерживают христианскую церковь, содействуют ей всемерно. С первых же шагов мы видим тесный союз и контакт между христианской церковью и государственной властью Грузии. Несмотря на сопротивление горских общин, при содействии государственной власти, христианство, преодолевая трудности, проникает в середине VI в. даже в столь отдаленные ущелья, какими были ущелья Двалетии.

Конечно, первоначально христианство привносилось лишь формально и поверхностно, но с течением времени, по мере социал-экономического развития оно должно было проникать глубже и более органично вживаться в быт и сознание населения. Так должно было быть и в Двалетии.

VI в. это эпоха когда старая грузинская государственная организация была уже разбита и царский институт в Картли ликвидирован. Поэтому грузинская светская власть не может оказывать столь эффективной и энергичной поддержки деятельности церкви. Тем не менее, во 2-ой половине VI в. положение христианской церкви уже улучшается. Этому содействуют приход и подвижническая деятельность «сирийских отцов», усиление Византии, прекращение притеснений со стороны персов, установление светской власти картлийского эристава.

О росте силы и значения грузинской христианской церкви в VI—VII вв. красноречиво свидетельствует постройка в это время столь выдающегося памятника грузинской культовой архитектуры, каким является монастырь Джвари около Мцхета, затем Атенского Сиона и др. Одного из картлийского эристава того времени Джуаншер характеризует так: «Степанос этот был более всех карталинских царей и мтаваров верующим и очиститель веры, строитель церквей»¹⁸.

Грузинская церковь чувствовала себя настолько окрепшей, что в борьбе за паству смогла пойти на разрыв сношений с армянской церковью в начале VII в. Это все дает основание пред-

18. „ესე სტეფანოს იყო უმეტეს ყოველთა ქართლის მეფეთა და მთავართა მორწმუნე და განმწმენდელი სჯულისა, მაშენებელი ეკლესიათა“. ქართლის ცხოვრება, იტ. изд., стр. 228.

17 ს. ყაუხჩიშვილი, გეოგრაფიკ., ტ. II 1934.

полагать, что до середины VII в., до нашествия арабов, а позже и хазар, христианская проповедь в дальних ущельях Большого Кавказа, а следовательно и в Двалетии не прекращалась и должна была сделать дальнейшие шаги.

В последующем, до X в. о положении христианства в Двалетии мы не располагаем прямыми свидетельствами. Аргумент можно признать, в эпоху арабов, неблагоприятную для христианства, ослабление христиано-миссионерской деятельности и колебание в положении христианства среди племен Большого Кавказа, в том числе и в Двалетии.

Положение христианства в центральных районах Картли было шатким (вспомним Иоанна Сабанисдзе), власть эристава картлийского сильно ограничивалась арабами; в силу этого Картли — центральная государственная и церковная власти — не могла оказывать своим адептам нужную поддержку в дальних ущельях Кавказа. Сильные местные, вблизи Двалетии, феодальные образования в эпоху VII—VIII вв. не известны. Ксанское эриставство если и было уже учреждено, то в эту эпоху играло второстепенную роль¹⁹. Во всяком случае, наличные исторические памятники не дают основания говорить о какой-либо значительной деятельности и о влиянии того или иного феодала или областного правителя в пределах высокогорной зоны Центрального Кавказа. Так, что, христианство в Двалетии не могло рассчитывать на сильную поддержку и местных феодалов.

Но из этого не следует полное прекращение, перерыв процесса христианизации двалов. Христианство находит другие пути и формы для своего проникновения в высокогорную зону Грузии и в частности в Двалетию.

Картли, лишенная сильного единого центра, тем не менее проявила большую силу сопротивляемости, большую духовную и физическую энергию. Основную тяжесть сопротивления несет периферия. Авторитет христианской церкви в антиарабски настроенных кругах повысился, христианство стало открыто идеологическим знаменем борьбы против арабского господства, знаменем самобытности и свободы. В данном конкретном грузинском историческом материале мы видим яркую иллюстрацию общего положения, что в средневековьи социально-политическая борьба принимает религиозную окраску.

Наибольшее число мучеников, причисленных грузинской церковью к лику святых, приходится именно на эпоху арабов: Або Тбилели, царь Арчил, Гоброн, Давид и Константин, Кос-

¹⁹ Д. გვრიტიშვილი, ფეოდალური საქართველოს სოც. ურთიერთობის ისტორიიდან, 1955, стр. 68.

танти Каха и др. В этом проявилось упорное сопротивление сказанное молодой и растущей феодально-церковной общественностью арабскому игу.

Общественная самостоятельность выдвинула целую плеяду выдающихся личностей в ряду тао-кларджетских сподвижников — строителей: Григоли Хандзели, Серапион Зарзмели, Саба Ишхнели, Микэль Парехели и др. Сильно развилась христиано-церковная литература, оригинальная агиография, в частности мартирология и т. д. Общий удельный вес христианской церкви в общественно-политической и культурной жизни страны значительно вырос. Соответственно возрос и авторитет церкви. Поэтому налицо основание для утверждения, что в целом влияние христианской церкви в позднюю пору эпохи арабов там, куда не достигала власть арабов, значительно возросло.

Основная струя морально-стойкого и творчески-созидательного элемента устремилась на юго-запад, развернув здесь исключительно кипучую деятельность (строительство обителей в Тао-Кларджети, рост тао-кларджетского феодума). Это положение и значение Тао-Кларджети, осмысленное грузинской общественностью, позже выразил Джунаншер устами Вахтанга Горгасала: «Если одолеют нас персы, то здесь (в Артануджи. — В. Г.) должно быть наше убежище»²⁰.

Но общественные круги неуживавшиеся с арабами из центральных районов устремляются на периферию и в других направлениях.

Одним из направлений в поисках убежища был центральный Кавказ. Так, во 2-ой половине VIII в. неужившийся с арабами картлийский эристав Нерсэ вынужден в сопровождении своих подчиненных 300 человек бежать на север, через хребет к хазарам, а оттуда перейти в Абхазию, где находилась его семья.

В нашествие Мурвана-кру (глухого) 30-ые годы VIII в. «все мтавары и питахши, родня эриставов и знатных укрылись в горах Кавказа»²¹. В середине IX в. в нашествие Буга Турка Феодосий царь Абхазский был разбит в бою в Картли и бежал дорогой двалетскою²². Все эти побежденные и разбитые в центре Картли, придя в горы, приносили туда с собой духовно-материальную культуру Картли; тем самым неудачи грузин в центре Картли отражались на периферии в некотором смысле и в некоторой степени положительно.

²⁰ „უკეთეს განძიერდენ სპარსნი ჩვენზედა, საყუდელი ჩუენი აქა ყოფად არს“. ქართლის ცხოვრება, цит. изд., стр. 178, см. еще стр. 241.

²¹ „ქართლის ცხოვრება“, цит. изд., стр. 234.

²² Там же, цит. изд., стр. 256.